

Огласительные беседы с крещаемыми
архимандрит Борис Холчев

Цель Крещения

Многие из приходящих ко святому Крещению не отдают себе отчета в важности этого шага, в его смысле и значении.

- Для чего вы хотите креститься, что надеетесь получить от приобщения этому великому таинству? – такой вопрос предлагается взрослым.

- Для какой цели мы крестим детей? – такой вопрос предлагается восприемникам.

Редко можно услышать правильные ответы.

Говорят: "Для того, чтобы быть крещеными", или: "русские должны быть крещеными", или: "чтоб верить и быть здоровыми", или "чтоб иметь веру", и так далее.

Вряд ли стоит подробно разбирать несостоятельность таких ответов. Они как "масло масляное". "Для чего едете в Ташкент?" – "Чтоб быть в Ташкенте".

Веру может иметь и некрещеный человек. Больше того, человек, не имеющий веры, исключая малышей, не может быть допущен до Крещения.

Таким образом, надо сначала верить, а потом креститься; не в Крещении искать веру, а ко Крещению приступать с верой. Спаситель сказал: "Кто будет верить и креститься, спасен будет" (Мк. 16:16). Значит, вера предшествует Крещению.

Многие приходят просто без подготовки, думают так: окунут их – и все, и они будут крещеными. В двенадцатом веке в Патриарший Синод в Константинополе пришли несколько турок, заявивших, что они христиане. "Как же случилось, что вас, турок, магометан, окрестили?" – спросили их. – Они отвечали, что у них, турок, "существует обычай крестить своих детей у православных священников, потому что, по их мнению, во всяком новорожденном ребенке находится злой дух и "смердит как собака", пока не получит христианского Крещения".

Синод не признал такого крещения, потому что они искали его не как средства, которое очищает от всякой душевной скверны, просвещает и освящает человека, не с добрым православным намерением, но как некое "телесное лекарство" и чародейство (см.: Епископ Никодим Милаш.

Правила Православной Церкви с толкованиями. Спб, 1911, т.1, с.615).

Юноши и девушки при поступлении в вуз или техникум никогда не осмеливаются прийти на экзамен без подготовки. Здесь же дело более великое, более страшное, здесь Сам Бог, сами Ангелы предстоят, принимая вашу веру, вашу готовность, а вы не трепещете.

Приходящих ко Крещению приходится спрашивать, молятся ли они Богу. Очень часто получаешь ответ: "нет". Некоторые даже добавляют: "Как можно молиться некрещеному?" Вот именно, некрещеному надлежит, может быть, даже больше молиться, чтобы Бог сподобил его святого Крещения.

Из житий святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Константина Великого, великомученика Пантелеймона и многих других мы видим, как долго молились они перед Крещением, посещали богослужения в храме, изучали догматы святой веры; еще до таинства Крещения своей горячей молитвой они совершали чудеса.

Итак, перед Крещением необходимо изучение истин святой веры, чтение Евангелия. Христос заповедал апостолам: Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28:19).

Правило 78 Шестого Вселенского Собора говорит: "Готовящимся ко Крещению надлежит обучаться вере и в пятый день седмицы (недели) давать ответ (известное испытание) епископу или пресвитерам (священникам)" (Епископ Никодим Милаш, т.1, с.509).

Пять дней научения даны как минимум, ранее это изучение, или оглашение, длилось до трех лет.

Цель Крещения должна быть одна: соединение с Богом, получение благодати Его. Не следует здесь искать здоровья, ума, способностей к учению. Это – второстепенное, оно не должно заслонять главного. Христос сказал: Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам (Мф. 6:33).

Святой князь Владимир пришел к купели Крещения, желая получить это Царство Божие, но получил не только его, но и прозрел очами, исцелился от слепоты, как говорят о том летописи.

Помните или, лучше, осознайте, куда вы пришли!

За тысячу лет до Христа евреи приступили к горе Божией, имея ходатаем за себя Моисея, но и то ветхозаветное "видение" было столь страшно, что Моисей сказал: "я в страхе и трепете" (Евр. 12:21). Что же сказать о том, к чему приступаете вы?!

Об этом говорит святой апостол Павел: Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства (Евр. 12:22-23).

Вам открывается вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя, Иисуса Христа (2Пет. 1:11). Крещение не есть омытие телесной нечистоты, но есть обещание Богу доброй совести, и спасает нас воскресением Иисуса Христа (1Пет. 3:21). Об этом и поговорим подробнее.

О Боге

Бог всегда был, есть и будет. Он – начало и причина всего существующего. Бог непостижим, невидим, несоздан, вечен.

Бог – Отец, Бог – Сын и Бог – Дух Святой. Однако не три Бога, а Один Бог. Законы арифметики и математики к Творцу законов – Богу – неприменимы.

Творец Отец, Творец Сын, Творец Святой Дух, но не три Творца, а Один Творец. Бог называется также Троицей.

Каково рождение Сына, мы понять не можем, оно только применительно к нашим человеческим понятиям называется так. Бог-Сын называется также Словом. Ум человека выявляется посредством слова. Что на уме человека? Как узнать, если он не скажет слова?

Так и Бог-Отец (надмирный Ум) открывается нам посредством Слова, то есть Сына Своего.

Вот что говорится в Евангелия от Иоанна: В начале было Слово (в начале – значит еще до бытия мира, то есть всегда), и Слово было у Бога, потому что Слово и Отец одна Сущность, и Слово было Бог. Значит, Сын Божий – Слово, есть Бог и равночестен Отцу. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин. 1:1-3).

Значит, согласно Евангелию, все, что только существует на свете, что имеет начало своему бытию, получило начало от Сына-Слова. Он – Творец всего сущего. Только Один Бог безначален, несотворен.

Отец безначален, Сын безначален. Святой Дух безначален, но не три безначальных, а Один безначальный.

Творение мира невидимого

Мир мы разделяем на видимый и невидимый, или, более понятно для нас, на духовный и материальный.

Среди нашего материального мира много невидимого. Невидим воздух, невидим звук, невидим магнетизм, электрический заряд и так далее. Среди так называемых электромагнитных волн лишь очень небольшая часть принадлежит видимому спектру. Но вот, например, ультрафиолетовые лучи невидимы, а обнаружить их можем на фотобумаге, которую они чернят. Невидимы радиоволны, а улавливаются приемником. Невидимы рентгеновские лучи, но на флуоресцирующем экране они обнаруживаются.

Все вышеперечисленное обнаруживается и познается физическими или химическими средствами и относится нами к миру видимому.

Но, кроме него, есть иной мир, мир невидимый. Его Господь Бог создал прежде видимого мира.

Это мир духов, или мир Ангелов.

Человек никакими физическими средствами, никаким способом принципиально не может обнаружить существование духа. Но тем не менее духи существуют, и они могут быть даже видимы человеком в том или ином виде по особому Божию промыслу, иногда и по воле этих духов, если Бог разрешит им явиться. Но и будучи невидимыми, они воздействуют на человека, наводя на него те или иные мысли, которые человек может принять или отвергнуть.

Природа духов называется простой, а природа человека и животных – сложной.

Человек имеет голову, мозг, сердце, руки, кожу, волосы, скелет, кровеносную систему, нервную систему и множество других органов. Все вместе взятое определяет его тело. Поэтому он и сложен.

Дух же не имеет тела, он бесплотен; нет ни рук, ни ног, ни крыльев, ни головы. Все одно. Поэтому он и прост. Лишь художники на картинах вынуждены придать ему изображение.

Бог создал духов, или Ангелов, со свободной волей. Это значит: они могли действовать и хотеть так, как желал Бог, но могли и не подчиниться Ему и противопоставить свою волю.

Часть духов, или ангелов, пала, то есть не подчинилась Богу; вот почему они и называются падшими духами, демонами. Главный из них называется сатаной, дьяволом, а в просторечии – чертом.

Ангелы, светлые духи, изображаются на картинах и на иконах как люди с крыльями. Крылья символизируют быстроту их передвижения с одного места на другое.

Серафимы, что значит "пламенные", изображаются на иконах часто красным цветом.

Демоны, бесы изображаются черными, с рогами и копытами, противными на вид, потому что они – духа зла и всего плохого.

Таким образом, изображение духов на иконах символическое.

Творение видимого мира и человека

По сотворении невидимого мира Бог создал и видимый: землю, воздух, воду, солнечную систему и иные системы звезд; создал рыб, птиц, различных животных, наконец, человека.

Человек создан Богом после всего, как венец творения. Человек по своей природе должен был объединить видимый и невидимый мир. По своим физиологическим отправлениям, по устройству тела – скелета, мозга, сердца в прочих органов – он не отличается от животных. Но по уму он в корне или качественно отличается от них. Он создан со свободной волей, так же как и Ангелы. Он мог подчиниться воле Божией, Его заповедям, а мог действовать по своей воле и вопреки воле Божией.

Господь при творении человека вдохнул в него дыхание жизни, то есть благодать Своего Святого Духа. Человек создан был для того, чтобы жить с Богом и в Боге, чтобы постоянно находиться с Ним в общении, в вечном блаженстве, довольстве и радости.

Так сотворены были первые люди, Адам в Ева, равно как и вся природа, были созданы нетленными, а все живое бессмертным. Человек не мог ни исцарапаться, ни разбиться, ни сгореть в огне, ни утонуть, ни задохнуться, ни даже испытывать усталости, недомогания, печали, голода, холода, зноя, старости или чего-либо подобного. Все это, вместе взятое, называется тлением.

Бог, - говорит премудрый Соломон, - создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего, но властью диавола вошла в мир смерть (Прем. 2:23-24).

Как же вошла в мир смерть? Как человек и животные лишились нетления и стали тленными?

Падение человека и лишение природы нетленности

Бог создал человека со свободной волей. Человек мог подчиниться воле Создателя, поступить так, как Он заповедал, но мог поступить и наперекор сему. Бог дал человеку заповедь для утверждения его души в повиновении, но человек добровольно отпал от Бога, нарушив ее. Он мог нарушать ее, мог и не нарушить. Не предведение Божие определило волю человека, который пал, а, наоборот, падение человека было предвидено Богом, Которым было предусмотрено и восстановление наше через Сына Своего еще прежде сложения мира.

Подобным этому является и наше теперешнее состояние в том смысле, что каждый из нас может спастись и каждый может погибнуть, если отвергнет руку спасения, которую дает ему Бог. Бог никому не хочет гибели, но хочет и желает для каждого из нас спасения, так говорит пророк (Иез. 18:32). Но, несмотря на то, что от каждого из нас зависит принять или не принять спасение, данное Богом, Господь Бог несомненно знает того, кто примет и кто отвергнет это спасение. Так опытный шахматист, глядя на игру других, часто сразу может предвидеть исход этой игры. Однако не от его предвидения происходит выигрыш или проигрыш, а от внимания и рассудительности или умения играющего.

Послушаем святого Симеона Нового Богослова. "Первозданный Адам (первый человек, сотворенный Богом), будучи в раю, впал, по внушению змия, в гордость и, возмечтав быть богом, как сказал ему диавол, вкусил от (плода) древа, от которого Бог повелел ему не ясти. За это предан он великим карам – тлению и смерти для смирения гордыни его... Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия, и увидишь, как велик был грех премудрого Адама" (Слово 1,1).

Адам, вкусив, тотчас познал наготу свою, то есть почувствовал себя лишенным благодати Божией. "Так душою Адам умер тотчас, как только вкусил, а после... умер и телом, ибо как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отделение от нее Святого Духа, Которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтоб он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло. По этой потом причине и весь род человеческой соделался таким, каким стал чрез падение праотец Адам, – смертным, то есть смертным по душе и по телу" (Слово 1,2).

"Как тело умирает, когда отделяется от него душа, так и, когда от души отделяется Дух Святой, душа умирает" (Слово 4,1).

В теле, лишенном души, заводятся черви, в душе, лишенной благодати Духа, заводятся зависть, лукавство, ложь, ненависть, жадность к деньгам, хищения, неразумная похоть, наговоры, пересуды, сварливость, высмеивание других, славолубие, нарушение клятв и обещаний, богозабвение, дерзость, бесстыдство и всякое другое зло (ср: Слово 4,1).

Человек, созданный для Бога, чтоб жить с Богом и в Боге, стал жилищем страстей и всякой нечистоты. Не только растлилась физическая природа человека, сделавшись тленной, подверженной болезням, недомоганию, усталости, старости, но и нравственная его природа. Хочет человек сделать доброе и не может, часто поступает наоборот. Хочет не гневаться – гневается; хочет не пить – пьет. Человек стал рабом страстей, а диавол, соблазвивший человека, подчинил его себе, доработал. Человек теперь уже не чувствует Бога так, как чувствовал Его Адам до грехопадения; он не может ощущать Его, подобно Адаму. Человек может только стремиться к Богу, искать вновь соединения с Ним и желать опять возобновить утраченный союз. Ведь само слово "религия" значит "воссоединение" (ре – обратно или вос, лига значит союз). С кем воссоединение? Конечно, с Богом. Святой Симеон говорит: "У раба от прежнего его самовластия

ничего не осталось, кроме одного желания и искания свободы. Но и это станет он делать тогда лишь, когда тяготится слишком игом рабства; если же случится ему в рабстве иметь покой и не встречать тяготы, то он и свободы не захочет" (Слово5,2). Преподобный Макарий говорит: "В тот день, когда пал Адам, пришел Бог и, ходя в рай, увидев Адама, пожалел, так сказать, и изрек: "При таких благах какое избрал ты зло?! – После такой славы, какой несешь на себе стыд! – Почему теперь так омрачен ты, так безобразен, так бретен? – После такого света, какая тьма покрыла тебя!" – Когда пал Адам и умер для Бога, сожалел о нем Творец, Ангелы, все силы, небеса, земля; все твари оплакивали смерть и падение его. Ибо твари видели, что данный им в царя стал рабом сопротивной и лукавой силы, потому что воцарился над ним князь тьмы" (Макарий Египетский. Беседа 30,7).

Вот таким образом сила, заключенная в плодах запрещенного Богом древа, при вкушения их вопреки воле Божией могла причинить человеку телесную и душевную смерть (см.: Беседа преподобного Серафима с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни, гл.V). Это не потому, что плоды были якобы ядовиты, но потому, что человек вкусил их не вовремя, но сообразуясь с волей Божией. Если маленького ребенка накормить пищей, которую едят взрослые, то ребенок может умереть, но не потому, что пища плоха, а потому, что она несвойственна его возрасту. Далее, как пишется в Библии, Бог изгнал человека из рая, чтоб он уже больше не вкушал от древа жизни, и это не потому, что Бог захотел лишить человека счастья и сделать ему зло, а, напротив, Он захотел, чтобы то смертное зло, которое уже вошло в природу человеческую, не смогло бы там пребывать на веки вечные, но чтоб человека можно было опять восстановить. Ибо истинное зло – это есть противление воле Создателя Бога.

Некоторые спрашивают: "Зачем же Бог дал заповедь, которую человек мог нарушить, зачем насадил дерево или не оградил его, чтоб человек не мог неблагоприятно есть плоды от него?" Отвечаем словами святителя Иоанна Златоуста, что заповедь дана Адаму "для утверждения души его в повиновении... Иное дело, если бы заповедь была тяжела и ею дозволялось употреблять лишь немного, а требовалось воздержание от многого... когда было совершенное изобилие во всем, запрещение же касалось немногого, то почему Адам не оказал повиновения Благодетелю своему?" (Творения Иоанна Златоуста. Изд-во П.П.Сойкина, т.7, с.345). Виновата лишь его воля. В падении изменилась не только человеческая природа – из нетленной стала тленной, но изменился также и весь мир, вся неодушевленная и одушевленная природа. Все сделалось тленным, все живущее – смертным. Голод, засухи, лесные пожары, наводнения, борьба за существование, пожирание слабых сильными – вот проявление тления в природе. Вместе с человеком – главой всей твари – изменилась и вся тварь. – Поэтому говорит апостол Павел: Вся тварь совокупно стенает и мучится донныне (Рим. 8:22). Но она, в отличие от человека, подверглась тлению не по своей свободной воле, которой у нее нет, но через человека. Поэтому и восстановление ее произойдет вместе с человеком, но без воли и усилия с ее стороны. Вот так произошло тление. Через целую цепь рождений от родителей к детям оно достигло и нас. Ребенок маленький, только родился, а уже плачет, значит, ему не по себе. Матери с первых шагов жизни приходится оберегать его, не простудился бы он, не заболел бы, а потом не сломал бы ножку, не попал бы под машину и так далее. Но конечно, никакая заботливая мать не может уберечь рожденного ею от смерти, которая неизбежна для всякого.

Восстановление человека и твари

Когда человек, изгнанный из рая, сделавшись тленным, лишившись общения с Богом, познал свое жалкое состояние, он стал плакать и просить у Бога прощения. Господь обещал послать Сына Своего, Который должен прийти в мир и спасти его от греха, проклятия, тленной смерти. Его пришествие возвещали пророки, особые люди в избранном народе еврейском. О Его пришествии говорили и некоторые языческие писатели (Виргилий, например).

И вот Бог – невидимый, непостижимый, неограниченный, бестелесный – воплотился, то есть стал, или сделался, ради нас человеком; принял на себя нашу человеческую природу. Сделался, как и мы, с душой и телом человеческим, но без греха. Сделался человеком, не переставал быть Богом. Человеческая природа не растворилась, не смешалась с Божеством, но и Божество Его не потерпело ущерба или умаления от Его вочеловечения.

Пришел на землю Господь Иисус Христос, родившись от Пресвятой Девы Марии.

Второе Лицо Пресвятой Троицы – Сын Божий – называется в Писании Словом, потому что как слово человеческое изъясняет мысль или ум человека, так и через Слово Отчее мы познаем Бога. Вот это Слово, Которое всегда было, есть и будет, Которое есть Бог, воплотилось. Слово стало плотью – так говорится в Евангелии от Иоанна (Ин. 1:14). Господь Иисус Христос принял в Своем воплощении такое же тело, как и у нас.

Родившись от Святой Девы, Он был питаем материнской грудью, далее возрастал. Он испытывал и усталость, и потребность в сне, отдыхе, испытывал голод и жажду и все те невзгоды, какие и мы испытываем. Под конец Он предан был одним из Своих учеников, Иудой, на покорную смерть, на распятие на кресте. Он пошел на эту смерть добровольно, для того чтобы нас избавить от смерти,

которую навлек на себя наш праотец Адам по своей воле. Господь называется Агнцем, закланным прежде сложения мира (1Пет. 1:19-20), потому что прежде создания мира было решено Богом через Него спасти человека и мир. Господь страдал па кресте, чтобы нас освободить от страданий; Он умер для того, чтобы нас освободить от смерти. Далее Он воскрес, сделавшись первенцем, воскресшим из умерших (1Кор. 15:20), ибо как Он воскрес, так и нам надлежит воскреснуть в день нашего воскресения. Христос, воскресши, имеет нетленное тело, которое уже не испытывает голода, жажды, недомоганий; тело, которое нельзя не только второй раз распять, но даже причинить ему какую-либо боль. Такое же тело получим и мы, соединившиеся со Христом в день нашего сотого воскресения. Так говорит и святой апостол Павел: Если мы с Ним умерли (умерли для греха, чтоб не делать больше его, не противиться Богу), то с Ним и оживем (2Тим. 2:11). Вот так и при воскресении мертвых ваше тленное тело, которое согнило, обратилось в прах, как бы посеянное в землю, при восстании даст лучший, плод, оживет: по образу Тела Христова будет нетленным. Апостол говорит: Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное (1Кор. 15:42-44). Потому что мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие (1Кор. 15:52-53).

Некоторые спросят: "Старое ли наше тело будет нетленным, или будет новое тело?"

Представьте себе кирпичный дом, в котором постоянно кирпич за кирпичом вынимают и заменяют новым. По прошествии 13 лет оказалось, что дом такой же, а все кирпичи его новые, другие.

Таково и наше тело: все клетки нашего организма постоянно обновляются, заменяются, и, как учит биология, через 13 лет ни одной клетки не остается старой. Неужели потому, что у меня все клетки новые, это не я когда-то был ребенком, или когда я был ребенком, то имел другое, а не это тело?

Тело мое осталось, а все вещество обновилось. Нечто подобное можно мыслить и о том теле, какое будет в день общего воскресения. Господь не только сделал наше тело человеческое нетленным, но и вознес его на небо, туда, где Его Отец; вознес туда нашу человеческую природу. Господь придет опять на землю, но только не так, как в первый раз, когда Он родился в маленькой стране, и унижении, когда о Рождестве Его знали немногие; напротив, Он придет в великой славе, и тогда мертвые воскреснут, природа вся обновится, тварь освобождена будет от рабства тлению (Рим. 8:21) и все те, кто соединился со Христом, будут с Ним и там в вечной нескончаемой жизни.

О Таинстве Тела и Крови Христовых

Господь Иисус Христос, пришедший к нам и принявший в воплощении наше человеческое тело и человеческую кровь, не зараженные грехом, захотел нашу природу, растленную грехом, обновить Своею плотью и кровью. Кровь простого человека, вливаемая в больного, часто возвращала последнему силы и спасала от смерти. Что же сказать о Плоти и Крови Спасителя Нашего, давшего их нам для того, чтобы получить не временную, а вечную жизнь? Но Кровь Спасителя вливается в нас не так, как в медицине врачами, а преподается нам в пищу под видом хлеба и вина и соединяется с нашим организмом. Вот что говорит Господь: Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6:53-54), и еще: Ядущий хлеб сей жить будет вовек (Ин. 6:58).

В Евангелии рассказывается о Тайной Вечери Иисуса Христа со Своими учениками. Прежде Своего страдания на кресте Он пришел в горницу (комнату), возлег со Своими двенадцатью апостолами и, взяв хлеб, преломил его, благословил и преподал им, сказав: Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание (Мф.26,26; Мк.14,22; Лк.22,19). Затем Спаситель взял чашу и так же подал апостолам, говоря: Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (Мф.28,27-28; Мк.14,23-24; Лк.22,20).

Вот и вы, крещаемые, после Крещения будете участниками этой Вечери, этой великой Тайной Вечери, как бы находясь с апостолами в той горнице.

Об этом мы молимся: Сыне Божий, прими меня сегодня в причастники (то есть участники Твоей Тайной Вечери) я не открою тайны врагам Твоим, не дам Тебе лобзание, как Иуда (Мф.26,48-49; Мк.14,44-45; Лк.22,47), но как разбойник исповедую Тебя, помяни меня, Господи, во Царствии Твоем (Лк. 23:40-42).

К участию в этой великой Вечери надо готовиться молитвой.

Порядок (чинопоследование) святого Крещения

Первая молитва, которая читается над приступающим ко святому Крещению, есть молитва наречения имени, Приходящему ко Крещению дается Имя Божие, как печать. Ибо позна Господь сущия Своя (2Тим. 2:19). Имя Божие, которым запечатлевается человек, является печатью Божественной, хотя невидимой для людей, но видимой для духов. В Апокалипсисе в нескольких местах говорится, что Господь запечатлевает рабов Своих (Откр.7,3; 14,1), а лукавый и антихрист

– своих (Откр. 13:16). Поэтому мы молимся, чтобы Имя Божие пребыло "неотреченно", то есть, чтобы эта печать не стерлась и чтобы крещаемый не поругал это Имя, чтобы он достойно носил Его.

В следующих молитвах приступающий ко Крещению называется уже "новозапечатанным воином Христа Бога нашего", воином, который будет вести борьбу с диаволом и побеждать его силою Христовою, еще мы молимся о том, чтобы свет Божий запечатлелся на нем и чтоб крест Сына Божия запечатлелся в сердце и помышлениях его; чтоб ему бегать суеты мира – не мира, то есть творения Божия, – это было бы безрассудно, но мира греха, и суеты мирской, той язвы, которую привнес грех. Поэтому апостол Иоанн говорит: Не любите мира, ни того, что в мире (1Ин. 2:15). И еще: Весь мир лежит во зле (1Ин. 5:19). Мы молимся еще и о том, чтобы крещаемый сохранил печать целой, "нерушимой" и через это получил бы блаженство избранных в Царствии Божиим. Само Крещение, а особенно Миропомазание называются также печатями, которые возлагаются на крещаемого с Именем Божиим.

Итак, великое, страшное Имя Божие возлагается на вас. Второе имя дается в честь святого, которое вы также будете носить.

Далее читаются три заклинательные молитвы. В двух первых диавол заклинается или запрещается Именем Христовым. Ему повелевается выйти, отступить от создания Божия и уже больше никогда не возвращаться к нему; повелевается отступить от новозапечатанного Именем Христа Бога нашего. Эти молитвы читаются потому, что лукавый после падения человека и послушания его Богу подчинил его себе, сделал как бы рабом своим. Вот, например, хочет человек не гневаться и не может – гневается. Таким образом, лукавым поработил человека, сделал его рабом страстей. Поэтому мы молимся в третьей молитве: "Избавь его {или их} от рабства врагу, приими в Царство Твое пренебесное..." Лукавый же, который укрылся в сердце некрещеного человека, изгоняется из него Именем Божиим. По Крещении он искушает уже человека только извне, а не изнутри, как ранее.

Крещаемый должен отречься от сатаны, от всех дел его, не только таких, как воровство, убийство, разврат, но и от злопамятства, гнева, зависти и всего, что противно учению Христа.

В знак полного разрыва с сатаной крещаемый дует и плюет на него.

После этого крещаемый обращается ко Христу и дает обещание жить по Его воле. Крещаемый читает Символ веры.

Только теперь, после отречения от сатаны и обещания быть со Христом, он допускается ко Крещению. С этого момента и начинается, собственно, чин Крещения.

Освещается вода.

В ектении мы просим, чтобы крещаемый сделался сыном или дочерью света, наследником вечных благ, чтобы был соединен с Господом и был бы участником смерти и воскресения Христа, Бога нашего, то есть чтобы был мертвым для греха и зла, чтоб получил нетление и жизнь вечную, данную Христом; чтоб сохранил благодатную одежду, сотканную из благодати Святого Духа. Она потому называется одеждой нетления, что, имея и сохранив ее, человек получает Царство Христа Бога нашего. Потерять же эту одежду или запятнать ее можно через грехи. В Евангелии рассказывается про человека, который пытался войти в Царство Божие без этой одежды, но был изгнан из него во тьму внешнюю (Мф. 22:11-14).

Но как же быть? Что делать тому, кто потерял или запятнал эту одежду? Ведь таинство Крещения не повторяется!

Пока мы еще живы, для нас имеется таинство Покаяния, в котором мы обновляем эту одежду.

Мы просим в молитве, чтобы Господь помог сохранить эту одежду крещаемому даже до дня Страшного Суда Христа Бога нашего, чтоб вода (Крещения) была бы для него одеждой нетления, банею пакибытия, то есть купелью новой жизни.

Не все приходящие к этой купели получают благодать Святого Духа, а только те, которые приводят с верою, молитвою и упованием.

"Симон волхв приступил некогда к купели сей, – говорит святой Кирилл Иерусалимский. – И крестился, но не просветился; омыл тело водою, но не просветил сердца Духом"

(Предогласительное слово, 2). Но вы, если только веруете во Христа, непременно просветитесь.

Вот что говорит святой Кирилл: "И на тебя, когда будешь прощен, низойдет благодать. Но как снизойдет, сего не скажу, потому что не предупреждаю времени" (Огл.16,26), "вода оmyвает внешность, а Дух, ничего не исключая, все прощает до внутренности самой души" (Огл.17,14).

"Если уверуешь, не только примешь отпущение грехов, но будешь делать, что выше человека" (Огл.17,37).

Крещенская благодать называется еще залогом вечной жизни. Подобно тому, как если залог за дом внесен, то дом уже ваш, а если залог пропал, то и дом не считайте своим. Так и вечное Царство Божие: оно тогда ваше, когда вы сохранили благодать, то есть, цел залог. Благодать, даруемая при Крещении, называется еще обручением Святого Духа. Как невеста, обрученная жениху, хотя еще не вполне соединилась с ним в браке, но уже его, принадлежит ему, так и душа человеческая в таинстве Крещения еще до наступления Второго славного пришествия Христова,

этого брака Агнца (Откр. 19:7), соединяется ныне с Господом.

Когда Господь Иисус Христос начал проповедовать, то первыми Его словами были: Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 4:17).

Это Царство Небесное начинается здесь, в купели Крещения, оно подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, то есть которое Господь посеял на поле сердца человека в этом таинстве, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13:31-32).

Господь сравнивает также Царство Небесное, эту таинственную благодать, с закваской, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все (Мф. 13:33).

Весь ваш организм, вся ваша природа, то есть дух, душа и тело (1Фес. 5:23), должны проникнуться этой закваской и вскваситься к жизни вечной. Процесс изменения всей природы человеческой незаметен, по начинается сразу после Крещения; это изменение совершается не без воли человека. Царствие Божие, – сказал Господь, – подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и, как семя всходит и растет, не знает он (Мк. 4:26-27).

Господь был спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, и отвечал им: Не придет Царствие Божие приметным образом и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие, внутри вас есть (Лк. 17:20-21). Оно хоть и неприметно начинается здесь, но будет общезримым в тот последний день этого старого мира, когда Господь придет со славою. Ибо дальше в Евангелии говорится: Как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба – так будет Сын Человеческий в день Свой (Лк. 17:24).

Вот что говорит святой Симеон Новый Богослов о Царствии Божием: "Царствие Божие в нас есть, когда Бог бывает с нами в единении, благодатию Пресвятаго Духа. Бог был в единении с нами от начала создания Адама; но когда праотец наш прельстился и согрешил, Бог удалился от нас, удалилось вместе с тем от нас и Царствие Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятый и Всеблагий Бог был в единении с тем, кто возлюбил грех и зло. Чтоб опять возвратился к нам Бог и опять пришло к нам Царствие Его, надлежало нам престать и очиститься от грехов. Но как мы не могли сего сами собою сделать, как измаранное платье не может отмыться само собою, и еще без воды, то пришел наконец Сам, могущий обмыть нас и очистить, чтоб очистить нас и, очистив, Богу открыть вход в нас и Царствие Его вселить в нас. Сие совершается в таинстве святого Крещения, а кто согрешит после Крещения, в таинстве Покаяния. И в том и в другом случае от тебя требуется покаяние" (Слово 29,2).

Если еще здесь в настоящей жизни не войдет в душу Христос и не воцарится в ней, то не будет здорова она и нет ей надежды спасения, закрыт для нее вход в Царство Небесное. Надлежит человеку здесь на земле родиться свыше от Божественной благодати, и тогда сможет он увидеть Царство Божие! (ср.: Ин.3,5,7).

Тайна Крещения велика. Мы молимся, чтобы крещаемый изменился, отложил образ ветхого человека, тлеемого в похотях прельщения, и облекся, в нового, по образу Создавшего его (ср.: Кол.3,9-10; Еф.4,22-24). Мы молимся о том, чтобы вы, крещаемые, быв соединены подобием смерти со Христом, были бы также общниками и Его Воскресения.

"Новое и необычайное дело – восклицает святой Кирилл. – Умираем мы не в самой действительности и погребены бываем не в самой действительности, и распявшись не самым делом, воскресаем, но уподобление бывает только в образе, а спасение в самой вещи" (2Тайнов.Слово,5).

Далее в молитве говорится, что вы, крещаемые, сохранив дар Святого Духа и возрадив залог благодати, получили почесть горнего звания и были бы сопричислены к перворожденным, написанным на небе.

Итак, пусть "никто да не думает", говорит святой Кирилл, "что Крещение есть благодать оставления только, грехов, а не вместе и сыноположения" (Там же,6).

Поэтому и в молитве говорится, чтобы оно (то есть Крещение) было оставлением прегрешений, просвещением души, купелью новой жизни, одеждой нетления, источником жизни, обновлением Духа и даром сыноположения, то есть усыновления.

Вот и младенцев мы крестим, чтобы выполнить заповедь Спасителя не препятствовать детям приходить к Нему, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 19:14), которое начинается здесь рождением от воды и Духа (Ин. 3:5).

"Ты просишь меня указать причину, – пишет преподобный Исидор Пелусиот, – почему крестят младенцев, еще не знающих греха? Некоторые говорят: для того, чтобы омыть нечистоту, внесенную в естество человеческое преступлением Адама. Признавая сие справедливым, я думаю, что Крещением доставляются и многие другие дарования, много превышающие наше естество. Ибо природа наша получила (в Крещении) не то только, в чем она нуждалась для уничтожения греха, но и украшена Божественными дарами. Ибо она не только освободилась от наказания и совлеклась лукавства, но и возродилась свыше пакибытием Божественным, превосходящим слово, и искуплена, и освящена, и удостоена усыновления, и оправдана, и

сделалась сонаследницей Единородного и единым телом с Ним по участию в священных таинствах, и именуется Его плотью, и, как тело соединено с главою, так и она со Христом. Посему Павел сказал: Поставил Его выше всего, главою Церкви (Еф. 1:22), то есть, кроме других даров, даровал еще человеческому естеству то, что Христос сделался ее Главою... Мы не врачество только получили, соответствующее болезни, как думают некоторые, не понимая щедродательности Божией, но и благообразие, и честь, и славу, и достоинство. Потому, возлюбленный, признавай Крещение не очищением только грехов, но и доставляющим всыновление и бесчисленные другие блага, частью упомянутые мною, частью не упомянутые" (цитировано по 14-й части Прибавления к творениям святых отцов, с.544-545).

Непосредственно перед Крещением крещаемый помазывается заклительным елеем, Елей в переводе с греческого значит милость. Помазание напоминает нам о милости Божией, дарованной нам в искуплении через предстоящее таинство.

В Библии рассказывается о том, как Господь решил истребить растленный род человеческий через потоп и только в семействе Ноя сохранил остаток его. Когда вода сходила и должна была уже показаться суша, то Ной, желая узнать, сошла ли вода, прошел ли гнев Божий, дважды выпускал голубицу из ковчега, и второй раз голубица прилетела к нему в ковчег, имея в своем клюве масличную ветвь. Это значило, что показались уже верхушки деревьев и еще немного и можно будет выходить на землю. С этих пор голубица, несущая в клюве масличную ветвь, стала символом мира, символом нашего примирения с Богом.

По выходе из купели крестившиеся помазываются святым миром. Святым миром помазывается человек только один раз в жизни. При этом ему даются благодатные дары Святого Духа.

Некоторые, не зная этого, говорят, что на всенощной они будто бы помазываются святым миром, но то не миро, а только освященный елей – масло (иногда с духами).

При помазывании святым миром произносится! "Печать дара Духа Святаго".

Святой Кирилл пишет: "Смотри, не приходи к крещающим, как Симон, лицемерно, между тем как сердце твое не ищет истины. Наше дело – засвидетельствовать, а твое – быть осторожным. Если стоишь в вере, – ты блажен. А если впал в неверие, – с сего же дня отринь неверие, и удостоверься... Он (Бог) готов запечатлеть душу твою, и дает печать, которой трепещут демоны, печать небесную и Божественную, как и написано: в Нем же и веровавшие знаменастеся Духом обетования Святым (Еф. 1:13)... Если лицемеришь, то люди крестят тебя теперь, а Дух не будет крестить. А если пришел ты по вере, то люди служат в видимом, а Дух Святой дает невидимое... Если уверуешь, не только примешь отпущение грехов, но будешь делать, что выше человека" (Огл.Слово17,35-37).

Христос в переводе с греческого значит "Помазанник". "Христос не от человека, и не елеем или миром телесным был помазан, но Отец, предопределивший Ему быть Спасителем целого мира, помазал Его Духом Святым, как говорит Петр: Иисуса, Еже от Назарета, Его же помаза Бог Духом Святым (Деян. 10:38) (Он помазан Духом Святым, а вы, соединившись с Ним, став Его участниками, помазаны святым миром). Но смотри не подумай, что сие есть миро простое. Как хлеб Евхаристии, по призвании Святаго Духа, есть уже хлеб не простой, но Тело Христово: так и святое миро сие, по призвании (то есть освящении архиереем) не простое уже, или, как бы сказал иной, обыкновенное миро, но дарование Христа, и Духа Святаго, от присутствия Божества Его соделавшееся действенным. Им назнаменательно помазуются чело и другие орудия чувств. И тело помазуется видимым миром, а душа освящается Святым и Животворящим Духом.

Сперва миропомазано у вас чело, чтобы освободиться вам от того стыда, какой всюду носил с собою первый человек, преступивший закон, и чтобы откровенным лицом взирать вам на славу Господню (2Кор. 3:18). Потом миропомазаны уши, чтобы приобрести вам уши, способные внимать Божественным тайнам, уши, о которых сказал Исаия: и приложи Ми Господь ухо, еже слышати (Ис. 50:4), и Господь Иисус говорил в Евангелии: имейя уши слышати, да слышит (Мф. 11:15). Потом миропомазаны ноздри, чтобы, восприяв на себя Божественное миро, сказать вам: Христово благоухание есмы Богови в спасаемых (2Кор. 2:15). После сего миропомазаны перси, чтобы, облокшесь в броня правды, вам стати противу кознем диавольским (Еф. 6:14,11). Ибо как Христос, исшедши по Крещении и наитии Святаго Духа, поборол сопротивника, так и вы, по священном Крещении и таинственном Помазании, облекшесь во всеоружие Святаго Духа, противостаньте сопротивной силе и поборайте ее, говоря: вся могу о укрепляющем мя Христе (Фил.4,13).

Сподобившись сего святого Миропомазания, именуетесь вы христианами (то есть помазанными), оправдывая имя сие возрождением. Ибо прежде, нежели сподобились вы сей благодати, не были в подлинном смысле достойными и сего наименования, но приближались только к тому, чтобы вам быть христианами" (3Тайнов.Слово,2-5).

По принятии великих таинств Крещения и Миропомазания вы соединились со Христом. Поэтому после этого мы обходим купель трижды в честь Святой Троицы с пением: Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, то есть: все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись (Гал. 3:27), соединились с Ним.

Круг – это символ вечности. Да будет же и ваше соединение со Христом на веки вечные! После этого читается Послание к Римлянам гл.6, ст.3-11 и Евангелие от Матфея гл.28, ст.10 и до конца, а затем молитвы на омовение (смывание) мира, потому что священное миро не должно быть стерто одеждой или чем-либо. В молитвах мы просим, чтобы в миропомазаных всегда озарялись сердца светом лица Господнего, чтоб щит веры был неуязвим от врагов, чтоб одежда нетления пребыла бы чистой, печать неповрежденной и обручение было неокраденным. По омывании крещаемые постригаются во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то есть волосы головы остаются в храме как залог посвящения Господу.

Наконец вы сподобляетесь принятия страшных Тайн Христа и Бога нашего.

"Со всею уверенностью, – говорит святой Кирилл Иерусалимский, – будем причащаться сего и как Тела Христова и как Крови Христовой; потому что под образом хлеба дается тебе Тело, и под образом вина дается тебе Кровь, чтобы, причастившись Тела Христова и Крови Христовой, "делаться тебе стелесником (одним телом) и единокровным Христу. Так делаемся мы Христоносцами; потому что Тело и Кровь Христовы сообщены нашим членам. Так, по словам блаженного Петра, бываем Божественного причастницы естества (2Петр.1,4).

Некогда Христос, беседуя с иудеями, сказал: аще не съесте Плоти Моей, ни пиете Крове Моей, живота не имате в себе (Ин. 6:53). Они же, не с духовным разумением выслушав сказанное, соблазнились и идоша вспять (Ин. 6:66), думая, что предлагает им и подлинном смысле ядение плоти (то есть тела)...

Посему взирай не просто, как на хлеб и как на вино; потому что, по Владычному изречению, - они – Тело и Кровь Христовы. Хотя чувство и представляет тебе хлеб и вино, но да укрепляет тебя вера. Не по вкусу суди о вещи, но верою несомненно удостоверься, что сподобился ты Тела и Крови Христовых.

Дознав это и удостоверившись, что видимый хлеб есть не хлеб, хотя и ощутителен по вкусу, но Тело Христово, и что видимое вино есть не вино, хотя и подтверждает то вкус, но Кровь Христова, и что о сем древле сказал Псалмопевствуя Давид: и хлеб сердце человека укрепит, умастит лице елеем (Пс. 103:15), – укрепляй сердце, причащаясь его как хлеба духовного, и умащай лице души своей. О если бы тебе, имея лица сие откровенным, в чистой совести славу Господню взирающе, восходить от славы в славу (2Кор. 3:18) о Христе Иисусе, Господе нашем! Ему честь, и держава, и слава во веки веков! Аминь" (4Тайнов.Слово,3,4,6,9).

Об авторе

20 июня 1995 года исполнилось сто лет со дня рождения архимандрита Бориса (Холчева). Имя этого православного проповедника, богослова, пастыря и старца почитается не только среди духовенства и верующих людей, но и в научном мире, где его знают как ученого психолога. В личности отца Бориса органически соединились глубочайшие научные знания, эрудиция с духовной мудростью и твердой православной верой, простота и скромность с высокой требовательностью к себе. Знание особенностей детской и взрослой психики помогало ему в пастырском служении.

У батюшки было глубокое понимание, природный дар постижения характера людей, он умел найти нужные слова, проникающие в душу человека. Не случайно ему было поручено крестить взрослых. Без предварительной глубокой беседы он этого никогда не делал. Даже случайные посетители после разговора с ним нередко укреплялись в вере и крестились.

Отец Борис жил и проповедовал Слово Божие во времена страшных гонений на Православную Церковь. Как и многие его современники, он много претерпел за христианскую веру, страдал духовно и физически, но ни заключения, ни доносы, ни клевета, ни ссылки и лагеря не сломили силы его духа. Как говорится в молитве новомученикам и исповедникам российским: "...Их же ни муки, ни смерть не разлучиша от любви Божия". В начале 50-х годов он говорил своим духовным чадам, что даже в лагерях надо жить духовно, "нельзя откладывать до тех пор, пока тебя не освободят, – а там, с уголовниками".

Общей исповеди отец Борис не признавал, поскольку при ней грех оставался на человеке, а сущность исповеди есть самопосрамление и страдание кающегося и сострадание к нему священника. "Покаяние, – говорил отец Борис, – не может быть истинное и кажущееся. Истинное есть перерождение человека. Результат такого покаяния – перемена жизни. Кажущееся покаяние оставляет старый образ жизни... такое покаяние не изменяет ничего в душе человека, в его жизни. А ведь задача покаяния – очистить душу так, чтобы ко времени кончины человек имел душу, подготовленную к вступлению в Царство Божие".

Отец Борис скончался 11 ноября 1971 года в Ташкенте и похоронен на православном кладбище близ храма святого Александра Невского и часовни в честь иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость".

Толкование на символ веры

Введение.

Символ веры – это торжественное исповедание христианских догматов, которое читается или поется во время литургии, перед началом евхаристического канона. Первое слово этого священного текста – Верую – связано с каждым последующим членом Символа и придает этому изъяснению общей веры христианского народа характер личного участия и ответственности каждого члена Церкви, который произносит вместе с другими «верую», и далее «исповедую», «чаю» (ожидаю с надеждой). Но достаточно ли исповедовать одними устами, даже со всем сердечным благоговением, если ум не прилепляется к смыслу этих слов, найденных отцами Церкви, чтобы Богооткровенная истина стала доступной каждому человеческому разуму, просвещенному верой во Христа? Великий православный богослов прошлого века Митрополит Филарет Московский делал различие между верой как Богооткровенной Истиной и верой как сознательным принятием откровения. Слепая приверженность авторитету веры недостаточна для того, чтобы «обладать верой». Свт. Филарет писал, что пока наша вера покоится на Священном Писании и Символе веры, она принадлежит Богу, Его пророкам. Его апостолам, отцам Церкви, это еще не наша вера. Но когда она закрепляется в наших мыслях, нашей памяти, тогда мы обрели ее, обладаем ею. Следовательно, необходимо изучать все 12 членов Символа веры для того, чтобы слова, которые мы слышим за каждой литургией, пробуждали нашу мысль и делали нас сознательными членами Церкви Христовой. Прежде чем приступить к изучению христианских догматов, сжато выраженных в Символе веры, скажем несколько слов об истории этого «правила веры», которое получило в Церкви силу вселенского авторитета. До начала IV века «символы», или краткие формулы христианской веры, были главным образом связаны с крещением и катехизацией. Этим объясняется их многочисленность и изменчивость в зависимости от поместной практики той или иной Церкви. Эти формулы исповедания, которые новокрещенные должны были произносить в день своего крещения, во II веке назывались «правилами» или «канонами» веры. Символ нового вида, отвечающий необходимости точно определять православное учение в противовес учениям еретиков, появляется в IV веке. Эти принятые на соборах символы не связаны уже исключительно с обрядом крещения, а приобретают более существенное значение в жизни Церкви. Никейский Символ веры был первым догматическим символом, провозглашенным Вселенским Собором (325). Этот «крещальный» символ поместной Церкви – возможно Иерусалимской – был переработан богословами, которым пришлось его расширить, чтобы более точно выразить исповедание Божественности Христа (против учения Ария). Символ этот еще пользовался вселенским авторитетом на Константинопольском (381), Ефесском (431) и Халкидонском (451) Соборах как догматическое исповедание веры. Никео-Цареградский Символ веры, используемый в наше время, имеет лишь общее сходство с первым, Никейским Символом. Первоначально он был одним из выражений «Никейской веры» с подробно изложенным исповеданием Божественности Христа, которое после 370 года родилось из крещальных антиохийско-иерусалимских символов. Этот литургический символ был, по-видимому, поправлен Отцами Второго Вселенского Собора для употребления при крещении, без намерения заменить им Никейский Символ. Он был провозглашен вместе с Символом Никейским на IV Соборе (Халкидонском) как официально признанная догматическая формула и таковым вошел в литургическую практику Имперской столицы. К концу V века этот Константинопольский литургический Символ веры признается как полная и окончательная формулировка Никейского Символа, который она и заменила. Ему предстояло быть принятым повсюду как истинное «правило веры», и он вытесняет другие христианские символы, крещальные или соборные. VI Вселенский Собор (680) подтверждает непреложный характер так называемого Никео-Цареградского Символа веры.

1-й член. Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. Бог христианского Откровения, Бог Священного Писания и пребывающей в Предании Церкви веры – не безличное существо, не безликий Абсолют, безразличный к судьбам человека. Монотеизм христиан – не монотеизм философов. Но он также отличен от ограничительного монотеизма таких религиозных традиций, как иудаизм и ислам, которые, признавая живого и личного Бога Ветхого Завета, не допускают, однако, что этот Бог как Личность отличен от своей совершенной Сущности и, так сказать, способен выйти из Своего одиночества, быть больше, чем одним Лицом, ограниченным Своей единственностью. Полнота откровения – достояние Нового Завета: Сын Божий стал человеком и соделал нас способными к приятию Святого Духа, от Отца исходящего. Единый и личный Бог христианства – это Троица Лиц. Поэтому воскресший Христос и послал своих учеников «научить все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28. 19). «Верую» Церкви есть раскрытие этой христианской формулы крещения.

Начальный член Символа, в котором мы исповедуем веру «во Единого Бога», относится к Первому Лицу Пресвятой Троицы, к Отцу, Который есть личностное начало нераздельного Божества, равно присущего Трем Лицам. Все Три – Отец, Сын и Дух Святой – Бог; не «три Бога», а «Бог единый», единая Сущность, единая субстанция или Природа в трех Ипостасях, Лицах. В силу этого совершенного единства Божественного Бытия между Лицами Пресвятой Троицы нет иного различия, кроме как в формах (модусах) существования, присущих каждому из Лиц: не рождение Отца, рождение Сына, исхождение Духа. Следует добавить, что эти личные свойства устанавливают тройственную связь, которая, позволяя различать Отца, Сына и Святого Духа, должна научить нас соотносить положительно каждое Лицо с двумя другими Лицами и никогда не разделять их в наших мыслях. Так, когда мы говорим об Отце «Вседержителе» и «Творце», не будем забывать того, что Он всё сотворил своим Словом (Ин. 1, 3), и что та же творческая сила свойственна и Духу животворящему (Иов. 33.4). Заметим, что выражение Вседержитель, собственно, значит «Господин всяческого», то есть Бог, всё в бытии держащий. Только Бог Библии, открывший Свое имя Моисею, когда сказал ему «Аз есмь Сущий» (Исх. 3, 14), один только Он – «Творец», в абсолютном смысле этого слова. Создатель бытия из небытия. Он не "Божественный Ремесленник, не «Демург», устроитель вечной, бесформенной материи, некоего предбытийного хаоса. Если Бог сотворил всё «из ничего», не следует вообразить, что сотворению мира, как возможности бытия, предсуществовало некое «ничто». «Ничто» – не есть начало, которое можно было бы противопоставить со-вершенному Бытию Бога. Это выражение обретает смысл только по отношению к бытию тварному, которое начало быть без всякого предварительного условия по отношению к этому «началу» (Быт. 1, 1), а только по всемогущей воле Бога. Однако не следует также думать, что отсутствие внешних условий обязывает нас предполагать, будто Бог создал всё «из Самого Себя», путем, своего рода, эманации или «экстериоризации». Мир – не ущербное и умаленное Божества, а бытие совершенно новое, вызванное к жизни Творцом, творчество Которого не было обусловлено какой-либо внутренней необходимостью. Сотворение – акт совершенно свободный, дарственный акт воли Божией, а не бессознательное, произвольное действие. Строй вселенной заставляет нас признать благодать, мудрость, любовь Создателя, Который наполнил мир смыслом и дал ему высшее предназначение, подчинив личностным и свободным существам, сотворенным «по образу и подобию Бога» (Быт. 1, 26-27). Библейское выражение «небо и земля» (Быт. 1, 1), которое обозначает целиком весь космос, всё то, что существует и сотворено Богом, в святоотеческом толковании получает раздельный смысл, указывая на существование реальности духовной и реальности телесной, невидимого мира «небесных духов» и мира видимого, с которым мы тесно связаны по биологическим условиям нашего земного существования. Мы видим, что это различие «неба» и «земли» отнюдь не влечет к необходимости признания «геоцентрической» космологии. Вообще, надо сказать, что «конфликт между наукой и религией» в этой проблеме выглядит искусственным. Действительно, не путем же исследования космических пространств откроется нам духовная безмерность тварной вселенной, И, тем более, не ядерная физика, анализируя строение материи, даст нам познать ту всемогущую Энергию Творца, которая сообщает бытие «видимым же всем и невидимым».

2-й член. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, едиnorodного, от Отца рожденного прежде всех веков; Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого всё произошло. В Символе есть явная непропорциональность: на единственный член, относящийся к Первому Лицу Пресвятой Троицы, приходится шесть относящихся ко Второму. Это можно легко объяснить: вероисповедание единого всемогущего Бога, Творца вселенной, было общим как для иудаизма, так и для христианства, но иначе обстоит дело, когда речь заходит о личности и деле Господа нашего Иисуса Христа. Связь Бога-Отца с Сыном, прежде всего, ставит во-прос о монотеизме (единобожии): Новый Завет явно утверждает Божество Христа (Ин. 1, 1), но ни в коей мере не отрицает строгого монотеизма. Отец и Сын едины – это провозвещает Сам Господь (Ин. 17, 22), но различное понимание этого единства, различные подходы к этой истине вызвали жестокие разногласия. Было предложено два ложных решения вопроса. Одно принадлежит модалистам, отрицавшим всякое различие между Отцом и Сыном, другое – арианами, отрицавшим за Сыном полноту Божества. С другой стороны, совершенная реальность человеческого в Господе нашем Иисусе Христе поднимает вопрос о соотношении человеческого и Божественного в Его Существовании. Споры по этому поводу приняли широкий размах в период, последовавший за редакцией нашего Символа веры, и Церкви пришлось уточнять новыми определениями – особенно на Соборах Ефесском (431) и Халкидонском (451) – то, что уже подразумевалось в Символе Никео-Цареградском. Здесь мы должны подчеркнуть, что члены Символа веры, относящиеся к Личности Господа нашего Иисуса Христа и Его делу, а также определения последующих Вселенских Соборов ни в какой мере нельзя рассматривать как безосновательные рассуждения, которые, так сказать, замутили чистоту евангельского благовестия, поскольку Церковь защищает в этих догматах самое основание

новозаветного откровения – благовестие спасения, данного человечеству в Иисусе Христе. Однако если Христос не есть Бог и Человек во всей реальности и полноте, бездна между Божественным и человеческим непреодолима. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда приступим к членам Символа, касающимся Воплощения и Искупления. Из шести членов Символа веры, относящихся ко второму Лицу Пресвятой Троицы, первый говорит об онтологической, а значит, и предвечной связи Сына с Отцом; остальные пять членов говорят о деле спасения мира Иисусом Христом. Церковь во втором члене своего Символа веры исповедует, прежде всего, единого Сына Божия. Этим отвергается еретическое учение об усыновлении, по которому Иисус был всего лишь Богом усыновленный человек. Только Иисус Христос по своей природе – Сын Божий. Сыновство христиан, которые через крещение становятся во Христе сынами Бога, никак не упраздняет коренного различия между нетварным и тварным бытием. Мы становимся сынами Бога по благодати, Христос – Сын Бога по природе. И только потому, что Христос – Сын Божий по природе, мы и можем становиться сынами Божиими по благодати. Исповедуя Сына «от Отца рожденного прежде всех век», мы не говорим, что это рождение просто предшествует сотворению, но утверждаем, что оно вне времени, поскольку понятие времени связано с понятием тварности. Поэтому мы читаем в Евангелии: «прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8, 58), а не «Я был», что указывало бы только на предшествование во времени. Отметим, что это утверждение Рождения «прежде всех век» было направлено против кощунственных слов ариан о Сыне: «было время, когда Его не было». Сын – «Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного» (1 Ин. 5, 20), потому что, помимо личного начала (то есть тех личных свойств, по которым мы различаем одно Лицо Пресвятой Троицы от другого), три Божественные Лица совершенно тождественны, о чем и пишет святой Григорий Нисский: «Если мы исповедуем неизменную природу Бога, мы не отрицаем различия между Причиной и Причинным, и только в этом улавливаем, чем Один от другого отличен». Чтобы выразить это совершенное сходство Отца и Сына, апостол Павел говорит нам, что Христос есть «образ Бога» (2 Кор. 4, 4). В Послании к Евреям отношение Сына к Отцу выражено в таких словах: «Сияние славы Его и образ Ипостаси Его» (Евр. 1, 3). Один из отцов III века, св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский, прекрасно и сжато изложил это богословие образа в своем исповедании веры: «Один Бог Отец Слова живого. Премудрости ипостасной, и Силы и Образа присносущего; Совершенный, Родитель Совершенного, Отец Сына едиnorodного, один Господь, Единый от Единого, Бог от Бога, Образ и Изображение Божества, Слово действительное. Мудрость, объемлющая состав всего, и Творческая Сила всей твари, истинный Сын истинного Отца, Невидимый Невидимого, Нетленный Нетленного, Бессмертный Бессмертного, Присносуший Присносущего». Уточняя провозглашенное в начальных словах второго члена Символа, Церковь всегда исповедует в противовес Арию и его сторонникам Сына «рожденного, несотворенного», поскольку предвечное рождение Сына от Отца так же, как и исхождение Святого Духа, есть акт Божественной внутритроичной жизни, не имеющий ничего общего с сотворением. Это значит, что даже аналогии нельзя провести между рождением Сына от Отца и сотворением мира, которое есть акт *ad extra* (во вне) Пресвятой Троицы, потому что, как прекрасно говорит святой Григорий Неокесарийский: «нет в Троице чего-либо сотворенного или служебного; нет чего-либо привнесённого, как бы прежде не бывшего, а впоследствии произошедшего»[1]. Чтобы навсегда покончить со всякой двусмысленностью, отцы Вселенского Никейского Собора провозгласили, что Сын «единосущен» Отцу. Это стало логическим выводом из предыдущих утверждений: совечность и равнобожественность Божественных Лиц, их совершенное сущностное единство. Сила термина заключалась в том, что он исключал всякую неопределенность. Еретики же ариане охотно пользовались то выражениями из Священного Писания, толкуя их путем, казалось бы, правдоподобных умозаключений в пользу своих теорий, то неясными формулами, которые могли быть поняты неоднозначно. Поэтому, после необходимых разъяснений, все православные учителя Церкви, в конце концов, сошлись именно на этом термине. Единосущность Божественных Лиц – один из основных догматов истинно христианского учения. Второй член Символа веры заканчивается утверждением, что все было соделано Сыном. Это – отголосок учения, ясно выраженного в Новом Завете (Ин. 1, 3; Кол. 1, 16). Все созданное есть творение трех Божественных Лиц. Однако каждое из них является причиной бытия особым, свойственным именно Ему образом. Если Отец – Причина первичная, а Дух – Причина совершенствующая, то Слово может быть названо Причиной действующей. Символ не говорит об этом пространно, но только утверждает установившееся в Предании верование простыми словами: «все чрез Него начало быть». Краткость эта легко объяснима: с одной стороны, этот догмат, раскрытый в Евангелии, не стал среди христиан объектом споров, с другой стороны. Символ есть исповедание веры, и в него не следовало вводить чисто умозрительных построений, которые, как бы ни были они правомощны, не могут претендовать на возведение их в правило веры.

3-й член. Ради людей и нашего ради спасения сшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившийся. Тогда как второй член Символа веры говорит о Сыне

и Его онтологической и предвечной связи с Отцом, третий говорит о Его Воплощении. Новозаветное откровение торжественно провозглашает, что ожидаемый Израилем Мессия – воплотившееся Слово Божие – есть одновременно и совершение и преодоление Ветхого Завета. Пророки ясно предвозвестили, что наступит новая эра с приходом Мессии, то есть Посланника Всевышнего. Даже образ этого Мессии четко ими определен: так, в книге пророка Исаии начертан образ униженного и оскорбленного Раба (Ис. 53). С другой стороны, оставаясь верным строгому монотеизму, еврейское богомыслие провидело некую персонализацию Божественной Премудрости (Притч. 8-9; Еккл. 1 и 24), но никогда не сближало личность Мессии – освободителя с воиспостазированной Божественной Премудростью. Кроме того, в последние века до нашей эры среди евреев расцвел экзальтированный национализм с оттенком ксенофобии, который затемнял древнепророческое универсальное видение Мессии. Для многих ожидаемый Мессия был Тем, Кто восстановит еврейское государство. Даже апостолы, вплоть до Пятидесятницы, не могли освободиться от подобных представлений (Деян. 1, 6). Третий член Символа веры – отголосок евангельского утверждения: «Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин. 1, 14). Церковь всегда с особенной силой защищала учение о Воплощении от тех, кто отрицал или искажал эту истину, обосновывающую уверенность в наше спасение. При разборе предыдущего члена Символа мы подчеркнули, сколь ревностно Церковь возвещала о Иисусе Христе, как истинном Боге и истинном Человеке. Православие вело жестокую борьбу против докетов, которые в своем мистическом дуализме, отрицали реальность Воплощения. Именно этих еретиков и имеет в виду в своем первом Послании святой Иоанн Богослов, когда пишет: «Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин. 4, 2-3). В своем втором Послании он также пишет: «многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист» (2 Ин. 7, 8). Тем самым Священное Писание предостерегает нас не только от ереси докетов, но равно и от всякого псевдоспиритуализма, не ставящего в центр своего учения Иисуса Христа, воплотившееся Слово Божие. Воплощение – это событие, не имеющее себе равных в истории спасения. Это – то событие, которое в корне преобразовало историю, потому что Воплощением Слова отношения между Богом и человеком совершенно изменились. В христианском учении понятие времени линейно, а не циклично, то есть у времени есть начало, ознаменованное сотворением мира, и конец, знаменем которого станет последний Суд. И в одном месте эта прямая прерывается Воплощением. Апостолам и христианам первых веков был, несомненно, понятен решающий смысл Воплощения, в котором они справедливо видели начало эсхатологической эры, предвозвещенной пророками (см. Деян. 2, 14-36, отметим ссылку на Иоилия 3, 1, 5). Святой Ириней Лионский, великий учитель и свидетель Предания конца II века, называл эру, наступившую с Воплощением, «*novissima tempora*» – наиновейшие времена, то есть времена последние (Против ересей, 3. 24, 1). Очевидна простота терминологии Символа веры и сжатость догматических разъяснений. Здесь также надо помнить о том, что было сказано в комментарии на предыдущий член Символа: о сознательном отказе от всякого умозрительного богословствования. О причине Воплощения кратко сказано так: «нас ради людей и нашего ради спасения». Никчемным и праздным рассуждение о том, что совершилось ли бы Воплощение и Искупление не будь первородного греха, в правиле веры нет места. С другой стороны, формулировка этого члена Символа веры в соответствии с ясными словами Писания – «ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 3-4) – предполагает всеобщность спасения, данного человечеству. Вряд ли нужно добавлять, что выражение Символа «нас ради людей...» относится не только к этому члену, но и ко всем следующим, где говорится о домостроительстве (икономии) воплотившегося Слова. Слова «сшедшего с небес», конечно, не имеют значения чего-то грубо материального: они указывают на безграничное Божественное снисхождение в Воплощении и подчеркивают всю реальность этого события, таинственное величие которого так правдиво и прекрасно выражено в догматическом письме святого Софрония (VII в.): «Воплотился Тот, Который бесплотен; принимает наш образ Тот, Который по Божественной своей Сущности не имеет зрака внешнего или видимого, обретает тело, подобное нашему. Тот, Который бестелесен; становится во истину Человеком, непрестанно пребывая Богом; видят Его во чреве Матери Его, пребывающего в лоне Превечного Отца; Он, вневременный, получает начало во времени – всё это не по Своему произволу, но действительно и истинно уничтожив Себя всецело, по воле Отца и Своей воле; Он принял на Себя всё наше человеческое естество, взял плоть, единую плоти нашей, разумную душу – подобную нашей душе, ум – подобный нашему уму, ибо это есть состав человека». Надо отметить, что следует правильно толковать заимствованное у апостола Павла (Флп. 2, 7) слово «уничижив», потому что со-влекся в Воплощении Христос не Божественной Своей природы, но славы, Которую Он имел до Своего земного существования, и Которую Он лишь однажды явил в Преображении. Воплощение Слова не повлекло за собой никакого изменения единой Божественной Природы. Эта истина веры отражена в *Lex orandi* Церкви. Так, в одной из литургических молитв святого Иоанна

Златоуста мы читаем: «Но обаче неизреченного и безмерного Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси человек, и архиерей наш был еси». Церковь исповедует, что Господь наш «воплотился от Духа Святого и Марии Девы» и это соответствует тому, о чем подробно говорит Евангелие (Мф. 1, 18-25; Лк. 1, 26-38). Упоминание Пречистой Девы Марии подчеркивает всю реальность человека в Спасителе на-шем, Мессии из рода Давидова, о Котором возвещал Ветхий Завет. Воплощение совершилось не только по предвечному совету Пресвятой Троицы (1 Пет. 1, 17–20), но также и по согласию Пресвятой Девы (Лк. 1, 38). В этом доверчивом послушании слову Божию церковное Предание видит ответ на послушание Евы. Святой Иустин в первой половине II века пишет: «Мы понимаем, что Христос стал человеком через Деву, чтобы послушание по наущению змия кончилось тем же путем, как и началось. Действительно, Ева, девственная и непорочная, вняв словам змия, породила послушание и смерть; Дева Мария, познав веру и радость, когда в благовестии Ей архангела Гавриила узнала, что Дух Господень сойдет на Неё и сила Всевышнего осенит Ее, так что Рождаемое Ею Святое наречется Сыном Божиим, ответила: „Да будет мне по слову твоему“. Итак, Он родился от Нее, Тот, о Ком столько говорит Писание... Через Него БОГ сокрушает царство змия и тех ангелов или людей, которые ему уподобились, и избавляет от смерти тех, кто кается в своих грехах и верует в Него». Этот, столь близкий поколению апостолов, отец с большой догматической точностью открывает перед нами те основы, на которых зиждется христианское почитание Пресвятой Девы Марии. Через Воплощение Христос становится по своей человеческой природе во всем подобным нам, кроме греха (Евр. 2, 17; Рим. 8, 3; Флп. 2, 7).

4-й член. Распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и погребенного. Дело спасения, совершенное Господом нашим Иисусом Христом, целостно и неделимо. Воплощение, Смерть на Кресте, Воскресение – только последовательные этапы одного дела спасения. Дело спасения, совершенное Господом нашим Иисусом Христом, целостно и неделимо. Воплощение, Смерть на Кресте, Воскресение – только последовательные этапы одного дела спасения. Отметим повторение выражения «за нас», уже известного нам из члена Символа, относящегося к Воплощению: искупительная смерть Иисуса Христа есть источник прощения и примирения не только для человечества в его совокупности, но и для каждого верующего в отдельности. Между Христом и каждым христианином существует личная связь, и к каждому из нас обращен зов: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24; Мр. 8, 34; Лк. 9, 23). Смерть на Кресте неотделима от Воскресения, но следует особо беречься всякого ошибочного толкования, которое лишало бы Страсти Господни присущей им славы, и если Воскресение Господне явило Его победу, то Его смерть на Кресте неумолимо ознаменовала поражение силы зла. Слова распятого Иисуса – «или, или, лима савахвани» – это слова мессианского псалма, выражающего не только страдание праведника, но и его упование на Бога (Пс. 22). И они должны восприниматься в связи с песнью Раба Иеговы (Ис. 52, 13-53) и в связи с последним словом умирающего Иисуса – «Совершилось» (Ин. 19, 30). Эта присущая Страстям слава повсеместно подчеркнута Преданием: на Востоке Крест всегда «животворящий», а в западной литургике Страсти (Пассия) обычно именуются «славными» или «блаженными». Это понимание правильно отражает православная иконография, которой чуждо всякое болезненное созерцание Распятого. Даже в момент крайнего «кенозиса» (уничтожения) Церковь помнит, что «на древе висит»... землю повесивый» (Служба святых Страстей, 15-й антифон). Однако из этого не следует делать вывод, будто Церковь не останавливается мысленно на великих и действительных страданиях Иисуса распятого. Напротив, потрясенная скорбью и любовью, она вопиет: «Кийждо уд святыя Твояя плоти бесчестие нас ради претерпе: терние – глава; лице – оплевания; челюсти – заушения; уста – во оцте растворенную желчь вкусом; ушеса – хуления злочестивая; плещи – биения, и ру-ка – трость. Всего телесе протяжения на кресте: членове – гвоздия; и ребра – копие. Пострадавый за ны, и от страстей свободивый нас, снизшедый к нам человеко-любиим, и вознесый нас всесильне Спасе, помилуй нас» (2-я стихира «На хвалитех» утра Великого Пятка). Крестная смерть принесла падшему человечеству искупление и примирение с Богом – это один из основных догматов христианского вероучения. Ложно или, по меньшей мере, чрезмерно ущербно толкование этого догмата, при котором искупление становится категорией этико-юридической. Именно эта тенденция, начиная со Средних веков, наложила отпечаток на западное богословие в ущерб убедительному реализму древней христианской мысли. Этико-юридическая перспектива подчеркивает нанесенное Богу первородным грехом оскорбление, которое требует возмездия, чтобы укротить Божественный гнев. Смерть воплотившегося Сына Божия и есть такая умилостивляющая жертва. Православная мысль, основанная на Священном Писании, равно как и на литургическом и древнем святоотеческом Предании, иначе понимает искупление: первородный грех был горьким плодом свободы, данной человеку его Создателем. Бог хотел, чтобы Ему поклонялись и Его любили существа свободные, потому что одна только свобода придает смысл любви. Без возможности самоопределения, а значит и отказа, любовь человека к Богу была бы только отражением любви Бога к Самому Себе, подобно отблеску света в зеркале. Выбрав зло,

человек изменил своему призванию и оказался в рабстве супостата. Но Бог не дал человеку безвольно плыть по течению своих страстей. Некоторые Отцы – святые Ириней Лионский и Феофил Антиохийский – объясняют Божественную снисходительность незрелостью первых людей. Хотя человек и согрешил сво-бодно, на нем не было полной ответственности за грех. Дело примирения совершилось в Иисусе Христе, истинном Боге и истинном Человеке. Предав Себя вольной смерти. Он непоправимо сокрушил ее власть, поскольку смерть не смогла победить Богочеловека. Так поет об этом латинский гимн *Victimae Paxali*: «Между смертью и жизнью завязалась необычная борьба. Создатель жизни, умерев, живет и царствует». Человек без греха. Первенец нового человечества, освобожденного от рабства диаволу, Христос предстоит Отцу, как чистая жертва, как непорочный Агнец. Жертвенный аспект смерти Иисуса Христа тесно связан с Ветхим Заветом, который завершен и превзойден. Жертвоприношения древнего Закона совершались, чтобы снискать Божественное умиловление, чтобы Бог благоволил очистить грехи. Они были предвестниками и прообразами совершенной жертвы Христа, Того, как говорит литургия святого Иоанна Златоуста, Кто «служебная сея и бескровная Жертвы священнодействие предал еси нам». Жертва Христа – не только последняя, она единственная истинная жертва, о чем сказано в Послании к Евреям: «Таков и должен быть у нас Первосвя-щенник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и пре-вознесенный выше небес. Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого. Ибо закон поставляет первосвященниками человеков, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило Сына, навеки совершенного» (Евр. 7. 26-28). После Своей смерти Господь был погребен, и Его Тело оставалось во гробе до третьего дня. Тропарь Восточного пасхального богослужения говорит об этом моменте с большой богословской точностью: «Во гробе плотски, во аде же душою яко Бог, в рай же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй Неописанный». Во время Своего земного служения Господь наш не раз говорил о своем погребении: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и зна-мение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Мф. 12. 39; Лк. 11. 29; Мр. 8, 12), и еще: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2. 19). Сойдя в ад Освободителем, сокрушив своюю смертью смерть, вошедшую в мир через грех, Христос стал Новым Адамом, Первенцем того нового рода, который бла-годаря своей связи с Христом -победителем может вновь обрести соединение с Богом.

5-й член.И воскресшего в третий день по Писанию. Вера в Воскресение Иисуса Христа есть сердце христианского учения, и поэтому апостол Павел пишет Коринфянам: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15, 14). Апостолы – свидетели Христа воскресшего (см. Деян. 1, 22). Ведь Воскресение было ослепительным проявлением мессианства Иисуса и Его Божественности. Отношение к этому событию есть грань, отделяющая веру от неверия, и это, несомненно, остается в силе для всех поколений, вплоть до конца времени. Если евреи, в большинстве своем, отказывались признать в воскресшем Иисусе Мессию – отрицали ли они реальность Воскресения или не делали из него никаких выводов – то, по крайней мере, сама идея воскресения из мертвых не была им чужда, исключая саддукеев. Но не так было у язычников: христианская про-поведь всеобщего воскресения и уже совершившегося Воскресения Христова воспринимались в их среде с большим трудом. В наши дни мы слишком легко забываем, что между философским понятием некой бессмертной души и библейской идеей воскресения очень мало общего. Именно поэтому проповедь апостола Пав-ла в ареопаге была встречена саркастическим скептицизмом (Деян. 17, 16-34). Именно поэтому большинство евреев и язычников остались нечувствительными к знамению Бога. Для верующих, которым верой дано понять всё значение этого события. Воскресение Господне – ослепительное торжество жизни над смертью, освобождение от проклятия, тяготевшего над потомством Адама. Вот отчего Пасха – праздник неудержимой радости, о чем православная литургия говорит в этот день особенно красноречиво: «Пасха священная нам днесь показася: Пасха нова святая; Пасха таинственная; Пасха всечестная; Пасха Христос Избавитель; Пасха непорочная; Пасха великая; Пасха верных; Пасха, двери райские нам отверзающая; Пасха, всех освящающая верных» (стихиры «На хвалитех»). Для древнего Израиля Пасха была вос-поминанием освобождения от египетского ига, для Церкви – нового Израиля – Пасха христианская есть напоминание об освобождении от ига смерти; она также есть благовестие всеобщего воскресения, которое действительно началось с Воскресения Христова. Не только в пасхальной службе Церковь говорит нам о великой тайне Воскресения, но и на каждой службе недельной. Темой Пасхи проникнут весь обряд крещения: новообращенный духовно переходит от рабства сатане к жизни во Христе. «Неужели не знаете,– говорит апостол Павел,– что все мы, крестившиеся во Хри-ста Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 3-4). Самый момент Воскресения Господня ускользает от всякой человеческой пытливости (ведь у евангелистов нет никакого описания этого

события), вот почему православная иконография, верная Преданию, не изображает момента Воскресения, а только явление Воскресшего Христа, Которого видели многие свидетели. Святой апостол Павел даже говорит, что Господь наш явился «...более нежели пятистам братьям в одно время» (1 Кор. 15, 6). Добавив, что «большая часть доныне в живых» (там же), апостол дает понять коринфянам, которые могли сомневаться в реальности Воскресшего Христа, что они могли бы рас-спросить этих свидетелей. Тем не менее, Христоявление (Christophanie) не было столь грандиозным, чтобы заставить всех людей, или хотя бы всех жителей Иерусалима, поверить в Воскресение Господа. Таким всеобъемлющим будет Второе Пришествие Иисуса Христа, когда Он явится во славе судить живых и мертвых. До того времени каждому человеку дана свобода выбора, и для тех, кто хочет стать сосудом Божественной благодати, звучат утешительные слова Христа воскресшего: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29). Поэтому целые поколения христиан, даже почти через 20 веков со времени апостольского свидетельства, дерзновенно восклицают: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Кресту Твоему поклоняемся Христе, и святое Воскресение Твое поем и славим». И вот, подобно женам-мироносицам, христиане духовно восходят ко Гробу, чтобы услышать слова Ангела, несущего благую весть. Христианин не может ограничиться интеллектуальным признанием действительности Воскресения. Каждый крещёный должен суметь сказать вместе с Апостолом: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19-20). Положение христианина парадоксально. Он живет в мире сем, но по своей связанности с Христом он с миром порывает, поскольку «мир сей» не желает подчиниться главенству Христа. Символ веры утверждает, что Господь воскрес «в третий день по Писанию». Смысл этого последнего выражения много богаче, нежели может показаться на первый взгляд. Это двойная ссылка на Ветхий Завет (термин «Писание» относится здесь к Ветхому Завету). Это прямая апелляция к пророческому свидетельству из книги Ионы. Господь наш говорит о «знамении Ионы» как о прообразе своего погребения и восстания (Мф. 12, 39-40 и 16, 4; Лк. 11, 29-32). Иным образом, обращаясь ко всему Ветхому Завету, воскресший Христос раскрывает Писание Эммаусским путникам: «О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк. 24, 25-27). Апостолам говорит Господь: «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к разумению Писаний и сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день...» (Лк. 24, 44-46). Отметим, что, когда евреи говорили «Закон», «Пророки» и «Псалмы», это обозначало всю совокупность Писаний соответственно тройному делению еврейской Библии. В первоначальной христианской катехизации ссылки на ветхозаветные свидетельства о Воскресении Иисуса Христа имели чрезвычайно важное значение. Мы можем легко в этом убедиться, если прочтем обращение апостола Петра к толпе в день Пятидесятницы (Деян. 2, 14-36, в особенности же 25-35).

6-й член. И восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца. Провозглашая спасительное дело Господа нашего, после члена о трехдневном Его Воскресении, Символ веры говорит о том, что Он вознесся и воссел «одесную Отца». Этим заканчивается ряд членов Символа, относящихся к земному служению Христа. Период Воплощения, или, вернее, пребывание Христа воплотившегося на земле, завершается Вознесением. Однако с последующей эпохой, эпохой Церкви, которая завершится Вторым и славным Пришествием Господа, земное служение Христа тесно связано. Связь этих двух периодов двойным образом выделена в Священном Писании. Прежде всего, внешним образом, самой литературной его композицией: святой евангелист Лука заканчивает свое Евангелие повествованием о Вознесении и начинает книгу Деяний с более подробного изложения того же события. В аспекте же внутреннем Новый Завет передает нам слова Спасителя, которые подчеркивают, что Его восхождение на небо отнюдь не означает ухода. На последних сказанных Христом словах, уже приведенных здесь, жидется спокойная уверенность Церкви в непрерывном попечении о ней Спасителя (Мф. 28, 20). Отклик на эти слова мы слышим в кондаке службы Вознесения восточного обряда: «Еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным, вознесся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучайся, но пребывая неотступен, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Вознесение есть венец жертвы Христовой: закланный Агнец предстоит Отцу, являя в своей Богочеловеческой личности восстановленное единство между Богом и человеком. По этому поводу в Послании к Евреям мы читаем: «Он же, принеши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога» (Евр. 10, 12). Искупительная смерть на Кресте, Воскресение и Вознесение связаны настолько тесно, что Господь говорит о них как о неделимом целом: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Упомянутое в 3-м члене Символа сошествие с небес может быть соотносено с Вознесением только в одном определенном смысле – в смысле уничтожения (кенозиса) Сына Божия, которое начинается с Воплощения и заканчивается Вознесением. И, кроме того, не следует

забывать, что Его уничтожение ничем не изменило внутри-Троичных отношений, поскольку Троица Божественна и неизменна, и Сын онтологически связан с Отцом и Святым Духом независимо от каких бы то ни было конкретно-исторических обстоятельств. С другой стороны, надо подчеркнуть особый характер Вознесения, а именно – прославление Богочеловека. Христос – Новый Адам, Глава обновленного человечества, которое именно в Его лице отныне и навсегда во Славе «одесную Отца». Из этого видим мы, что Искупление не бы-ло простым снятием проклятия, принесенного грехом, ведь слава, которую стяжал человек в Иисусе Христе, останется непреложной. Поэтому-то апостол Павел и говорит: «Бог просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которой Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства и власти, и силы и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем» (Еф. 1, 17-21). Итак, Вознесение никак не есть «развоплощение» Божественного Слова, ибо в истории спасения, как она разворачивается по предвечному смотрению Божию, нет обратного движения. Новозаветное учение о Церкви, Телу Христа, постижимо только через веру в то, что Христос вознесся и воссел одесную Отца. Христос изливает на Церковь Божественную жизнь органическим, если можно так выразиться, образом, по принципу согласия между Главой и членами. Бог-Отец «все покорил под ноги Его и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его» (Еф. 1, 22; Кол. 1, 18). Трезвое богословие не отказывается от силы этого утверждения, иначе лишаются силы другие утверждения Священного Писания, как то, которое предвозвещает членам Церкви возможность стать «причастниками Божественного естества». Также только в связи с учением о Церкви как о Телу Христовом можем мы понять то таинственное слово Спасителя, которое доносит до нас четвертое Евангелие: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Послав-шего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24). Именно потому, что Вознесение не есть уход. Пятидесятница – его необходимое продолжение, о чем ясно говорит Господь: «истину говорю вам, лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16, 7). Хотя мы именуем Пятидесятницей определенное событие (сошествие Святого Духа в пятидесятый день после Пасхи), все время бытия Церкви, которая начинается с этого события, можно рассматривать как постоянную Пятидесятницу, поскольку жизнь Церкви есть нечто иное, как действие Святого Духа. В частности, во время каждой Евхаристии служащий просит у Бога ниспослать Святого Своего Духа на народ и на Святые Дары. Христос, став добровольной жертвой, примирил человека с Богом, через Вознесение человечество во Христе соединено с Божеством и восседает в Славе одесную Отца, и дело каждого человека – самому стяжать предложенное во Иисусе Христе спасение. Чтобы не была поправа свобода человека. Бог предлагает спасение, но не навязывает его. После Воплощения, как и до него, человек рождается в грехе, в рабстве злу. Но с тех пор, как совершилось искупительное дело Христа, человеку дана возможность, став членом Тела Христова, включиться в новое творение. Для этого человеку надо быть восприимчивым к поспешающей навстречу благодати, потому что своими собственными силами он ничего не сможет сделать. Именно в этом Церковь с твердостью наставляет против всякого представления о спасении по Пеллагию. Однако такое необходимое начальное вмешательство Бога отнюдь не предполагает пассивности человека, и каждый должен помнить слова, с которыми Учитель обращается к своим ученикам во все времена: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16, 24; Мр. 8, 34; Лк. 9, 23). Для того, чтобы совлечься ветхого человека и облечься в нового, требуется непрестанная аскеза. Если крещение есть отречение от господства сатаны и сочетание с Телом Христа, то нужна непрестанная борьба, чтобы сохранить приобретенное и принести плоды. Это духовное восхождение, каким бы трудным оно ни было, совершается в силу несомненного оптимизма христианского вероучения, потому что верующий слышит слова Спасителя, которые поддерживают в нем бодрость и укрепляют надежду «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь; Я победил мир» (Ин. 16, 33).

7-й член. И снова грядущего со славою судить живых и мертвых, Его же Царству не будет конца. Вера во Второе Пришествие Христово – одно из безоговорочных оснований христианского учения в целом, и всякая попытка «деэсхатологизировать» христианство, то есть вычеркнуть или свести к минимуму этот догмат веры, есть искажение христианского благовестия. Чтобы осознать место этого догмата в Церкви, надо рассмотреть его в подобающей ему перспективе. Действительно, христианское понимание времени и истории представляется нам в виде горизонтальной линии: есть начало – сотворение мира, трагическое деяние человека, его падение; центральное событие – Воплощение; и конец – Второе Пришествие. Следовательно, как жертва Христа была единственным в своем роде событием (Евр. 7, 27), так и последний Суд будет актом единственным и окончательным. Таково твердое верование Церкви, и поэтому V Вселенский Собор (553 г.) осудил целый ряд мнений оригеновского толка, которые были основаны на

циклическом понимании времени, не совместимом с Откровением. Эсхатологическое чаяние – одна из основ православного сакраментального богословия. Поэтому собрание христиан на евхаристической вечере есть не только воспоминание события, которое совершилось в прошлом и «актуализируется» в таинстве, но и отмечено эсхатологическими чаяниями мессианской общины, то есть Церкви. Это настоятельно подчеркнуто в поучении апостола Павла, которое следует за повествованием об установлении таинства Причастия: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11, 26). В переданных нам евангелистом Матфеем словах Господа («Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26, 29)) содержится явное эсхатологическое указание. Евхаристическая община – прообраз Церкви, собранной в грядущем Царстве. В древнейшем христианском документе – Дидахе (I-II век) – мы читаем слова, восхваляющие это чаяние: «Подобно этому преломленному хлебу, который сперва посеян был на холмах, но собранный в житницы стал единым, да соберется Церковь Твоя в Царстве Твоем с концов земли...», и далее: «Помяни, Господи, Церковь Твою, во избавление ее от всякого зла, и во усовершенствование в любви Твоей. Собери ее от четырех ветров. Церковь Твою святую в уготованном Ей Тобою Царствии Твоем». Первые христиане жили в нетерпеливом ожидании возвращения Христа, и они выражали это свое нетерпение в краткой арамейской формуле, которую приводит апостол Павел – «Маранафа» (1 Кор. 16, 22). Однако Господь предостерегал своих учеников от желания узнать в точности срок Второго пришествия (Мф. 24, 36; Деян. 1, 7). Тот же апостол Павел, призывая фессалоникийцев к бодрствованию, писал им: «Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью» (1 Фес. а, 2). Христиане всегда должны пребыть в ожидании Парусии, но ожидание это не должно превращаться в праздное любопытство и искушение Божественного Промышления. Церковь избегает поспешных умозаключений на основе некоторых мест из книги пророка Даниила или из книги Апокалипсиса, тогда как сектанты всех эпох этим злоупотребляют для того, чтобы математически точно определить самый момент Парусии, или чтобы заклеить кого-либо из своих собратьев. Спекуляции такого рода не только противоречат наставлениям Господа, но и свидетельствуют о полном невежестве тех, кто поддается соблазну подобных изысканий. Такие люди понятия не имеют о правилах иудейской апокалиптики, которые теперь хорошо известны нам благодаря многочисленным документам, относящимся к эпохе от II века до н. э. до II века после нее. Мы уже настаивали на разнице между двумя пришествиями Господа в мир: Первое произошло в уничижении («кенозисе» – см. выше). Второе будет для всех явлением силы Божией. Это подчеркивает в Символе выражение «Со славою». С концом мира сего прекратится возможность всякого изменения, все станет совершенно непреложным как вневременное. Поэтому Господь наш возвещает: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25, 46). Эту же абсолютную вневременность подразумевает святой Иоанн Богослов в Апокалипсисе, когда говорит о второй смерти (Откр. 20, 13-15). Последний Суд будет полной победой Христа над всеми силами зла, которые, несмотря на Крест и Воскресение, не хотят признать своего неумолимого поражения. Обратим внимание на то, что Священное Писание, равно как и Символ веры, подчеркивает, что Последний Суд есть событие всекосмическое. Христос приходит как Царь вселенной. Об этом читаем мы: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы» (Мф. 25, 31-32; Откр. 20, 11-15). Отметим, что православная иконография разнообразно разработала тему Последнего Суда, сначала в символическом сюжете о пастыре, отделяющем овец от козлищ (храм святого Аполлинария в Равенне при бл. 520 г.), а позднее – реалистически изображая Христа, являющегося «на облацах» и сидящего на Престоле среди апостолов, чтобы судить живых и мертвых, которых будит труба Архангела (Собор в Торчелло. XI в.) Седьмой член Символа веры заканчивается утверждением: «Его же Царствию не будет конца». Этих слов из нашего Символа, провозглашенного во времена II Вселенского Собора (381), еще не было в Исповедании веры никейских отцов. Они были вставлены в Символ для опровержения еретических умозаключений Маркелла, который считал, будто Царство Христово кончится с концом времен. Это мнение не противоречит его модалистическому богословию, где Троица – только временный модус Божественного Бытия, которое в конце концов соберется в единую монаду. Уже в Символе Антиохийского Собора (341 год) встречаем формулу: «Который снова придет судить живых и мертвых и пребудет, как Царь и Бог веки». В радостном ожидании славного возвращения Господа христианам воскликает: «Да приидет благодать, и приидет мир сей! Аминь!» (Дидахе). Но, сознавая всю слабость греховного своего естества, он же смиренно молится: «Егда приидеши Боже, на землю со славою и трепещут всяческая: река же огненная пред судищем влечет, книги разгибаются, и тайная являются: тогда избави мя от огня неугасимаго, и сподоби мя одесную Тебе стати. Судне праведнейший» (Кондак мясопустной недели).

8-й член. И в Духа Святого, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцом и Сыном спокланяема и сславима, говорившего в пророках. Провозгласив свою веру в Личность и

дело Спасителя нашего Иисуса Христа, далее Церковь выражает свою веру в Третье Лицо Пресвятой Троицы. Отцы I Вселенского Собора только упомянули о веровании Церкви в существование Святого Духа. Это объясняется тем, что они, прежде всего, обращали свое внимание на учение о Божественности Слова, на тот пункт, где сталкивалось католическое Православие с арианством. Однако споры, продолжавшиеся в течение всего IV века, не могли не затронуть пневматологии, потому что не одни только ариане отрицали Божественность Святого Духа, но также и христиане, которые, отвергая доктрину Ария, относящуюся к слову, не принимали Божественности и единственности Духа. Поэтому отцам той эпохи надлежало защитить православное учение о Третьем Лице Пресвятой Троицы, а следовательно, и о внутритроичных отношениях. Второй Вселенский Собор, созданный в 381 году в Константинополе, снова осудил учение Ария во всех его видах и особо заклеил ересь Македония, отрицавшего Божественность Святого Духа. Отцы Церкви ясно и твердо провозгласили тогда совершенную полноту Божества Святого Духа, однако, чтобы не отпугнуть некоторых консерваторов, противившихся всякой новой формулировке, даже если она совершенно выражала веру Церкви, они не включили в Символ веры термины «Бог» и «Единосущный» как относящиеся к Святому Духу. Эта осторожность принесла свои плоды, и, фактически, ересь «пневматомахов» (то есть восстающих против Духа) была сокрушена, а троичная терминология, выражающая верование Церкви, окончательно зафиксирована. Христианское вероисповедание Святого Духа как отдельного Лица Пресвятой Троицы зиждется на новозаветном Откровении, и прежде всего на словах нашего Спасителя: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19). Ветхий Завет, несомненно, знал Духа Божия как действующую Силу, и в пророческих видениях изливанием этого Духа определяется конец времён (Ис. 44, 3; Иоиль 11, 28). Но только в Новом Завете Слово и Дух познаются как Лица. никоим образом не отказываясь от строгого монотеизма Синайского откровения и утверждая принцип численного единства Божественного Существа, христианское учение исповедует монотеизм не единоличный, а троичный. Об этой Божественной тайне хорошо сказано у святого Григория Богослова: «Ветхий Завет ясно проповедовал Отца, а не с такою ясностью Сына; Новый открыл Сына и дал указание о Божестве Духа; ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание. Небезопасно было прежде, нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына, и прежде, нежели признан Сын (выражусь несколько смело), обременять нас проповедью о Духе Святом... Надлежало же, чтобы Троичный Свет озарял просветленными постепенными прибавлениями, как говорит Давид, – восхождениями (Пс. 38, 6), поступлениями от славы в славу и преуспеваниями... У Спасителя и после того, как многое проповедал Он ученикам, было еще нечто, чего, как Сам Он говорил, ученики не могли тогда вместить (Ин. 16, 12). И еще Спаситель говорил, что будем всему научены снисшедшим Духом (Ин. 16, 13). Сюда-то отношу я самое Божество Духа» (Слово 31). В Пресвятой Троице источник Божества – Отец, дающий Сыну Свою сущность рождением и Святому Духу – исхождением. Поэтому, согласно с учением Самого Спасителя (Ин. 15, 26), Символ веры утверждает, что Святой Дух исходит от Отца. Различный модус существования Сына и Духа предполагает различие Ипостасей; Церковь настаивает на этом утверждении, но в то же время святые отцы признают, что ум человека не может понять, в чем состоит это различие. Святой Григорий Богослов пишет: «Посему что же есть исхождение? Объясни ты мне нерожденность Отца: тогда и я отважусь естествословить о рождении Сына и об исхождении Духа; тогда, проникнув в тайны Божий, оба мы придем в изумление» (Слово 31). Святой Иоанн Дамаскин кратко говорит, что никакое умственное усилие не может раскрыть нам того, «как» был рожден Сын, и как исходит Святой Дух (О православной вере. 1, 8). На Западе, однако, наоборот, схоластическое богословие пыталось объяснить рождение и исхождение, отпавляясь от психологических аналогий. Правда, блаженный Августин, епископ Иппона, хотя и пользовался этим методом, но всегда видел в нем только сравнение, которое помогало человеческому уму приблизиться к Троической тайне, и отнюдь не считал его рациональным объяснением Божественных внутритроичных отношений. Вот что он пишет: «Что же до разницы между рождением и исхождением – я не знаю, и не могу, и не в состоянии постичь» (Исповедь 11, 4). Православная Церковь считает формулу «от Отца исходящего» полным и достаточным выражением своей веры. В противовес еретикам, утверждавшим, что Дух тварен, защитники Православия подчеркивали, что Дух исходит непосредственно от Отца; именно это провозглашает святой Григорий Богослов: «Святой Дух, поскольку исходит от Отца, не тварь» (Слово 31). На Западе, начиная с V века, тринитарное богословие приняло другое направление: чтобы в борьбе с арианами отстоять Божественность Сына и подчеркнуть связь между Святым Духом и Сыном, стали утверждать, сначала от случая к случаю, а затем систематически, что Дух Святой исходит от Отца и Сына (Filioque). С дальнейшим развитием этой концепции сначала в Испании, а потом в Галлии и Германии не побоялись изменить Вселенский Символ веры и включить в него термин «филиокве». Рим не одобрил этого прибавления. Но в начале XI века, когда папство целиком стало зависеть от германских императоров, новшество это было принято в «Кредо» и в самом Риме. Акт этот подлежит двойному осуждению: во-первых, потому, что добавление выражало учение, не обоснованное

Откровением, и во-вторых, потому, что текст «Кредо» был изменен односторонне, одной только Западной Церковью, которая тем самым нарушила кафолическое начало соборности. Если Дух Святой исходит от одного Отца, это не значит, что Он чужд Сыну; так святой Иоанн Дамаскин пишет: «...мы также говорим, что Дух Святой исходит от Отца, и называем Его „Дух Отца“, мы не говорим, что Он исходит от Сына, но что Он – Дух Сына» (О православной вере, 1, 8). В прекрасном Символе веры святого Григория Неокесарийского (III в.), на который мы уже ссылались в связи с его учением о Слове, мы читаем: «И один Дух Святой, от Бога имеющий бытие и через Сына явившийся, то есть человеком; образ Сына совершенного совершенный, жизнь, вина живущих, источник святой, святость, податель освящения, в котором является Бог Отец, Иже над всеми и во всех, и Бог Сын, Иже через всех». Итак, если в порядке онтологическом и предвечном Дух исходит от Отца, то в аспекте мессианском Он явлен Сыном: «Мы исповедуем, – пишет святой Иоанн Дамаскин, – что Он (то есть Святой Дух) нам дан и явлен через Сына» (О православной вере. 1,8). Святой Дух есть источник всякого освящения. Перед Своими Страстями Спаситель говорит о пришествии Духа, и это обещание исполняется в день Пятидесятницы. Жизнь Церкви есть не что иное, как это событие, увековеченное в таинствах. Присутствие Духа Святого коренным образом отличает Церковь от всякого другого общества и сообщает ей ясную уверенность в трудные времена. Святой Дух – действующая сила, освящающая каждого христианина. Принимая благодать Духа Святого, можем мы взывать к Богу – «Авва Отче» (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6). Поэтому апостол Павел и называет Духа Святого «Духом усыновления»: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» (Рим. 8, 16). Мы исповедуем в Символе веры Духа Животворящего, потому что сообщаемая Им благодать соделывает нас действительными «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4). Это не должно быть истолковано в пантеистическом смысле, но не следует также лишать Писание его истинного значения и принимать это выражение за метафору. Православная Церковь, охраняя учение о Божественной трансцендентности и одновременно утверждая возможность обожения тварного человека, неукоснительно учит различать непостижимую Сущность Бога и доступные человеку Божественные энергии. Обожающая нас благодать уже в мире сем озаряет тех, кто аскезой отрывает себя от суеты. Эта же благодать по втором Пришествии преобразит весь космос, явит победу Христа и соединит в свете и любви создание с Создателем.

9-й член. Во единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Представляя нам Церковь как объект веры. Символ напоминает, что она не только является собранием верующих, но играет первостепенную роль в истории спасения. Во время. Своего земного служения Господь наш Иисус Христос возвестил, что Он Сам будет ее Создателем (Мф. 16, 18), и многие новозаветные тексты гласят, что Христос – ее Глава (напр. Еф. 1, 22). Еврейское *Kahal* означает «собрание Израиля по призыву Бога». Так, читаем мы во Второзаконии: «чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои... о том дне, когда ты стоял пред Господом, Богом Твоим, при Хориве, и когда сказал Господь мне: собери ко Мне народ, и Я возведу им слова Мои... И объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух каменных скрижалях» (Втор. 4, 9-10, 13). Мы встречаем также термин «кахал-эклезия» как обо-значение торжественных народных собраний в Иерусалиме. Следовательно, этот термин никогда не встречался в нерелигиозном контексте, что соответствует его употреблению в Новом Завете и в древней христианской литературе, где он обозначает и поместную общину, и собрание верующих. Также часто встречается выражение «Церковь Божия» (I Кор. 1, 2). Церковь определена в Символе веры как Единая, Святая, Соборная и Апостольская. Эти свойственные Церкви определения составляют одно неделимое целое, потому что каждое из них связано с остальными. Они различны по смыслу, но ни одного из них нельзя исключить. Иначе говоря, ущербно толковать или опускать любое из них – значит исказить смысл остальных. Так, например, православное понимание единства связано с определенным пониманием соборности. Не напрасно святой Киприан Карфагенский назвал свой труд, направленный против раскольников, «О единстве Соборной Церкви». Когда приступаешь к учению о Церкви, надо остерегаться неточностей и двусмысленных представлений. Следует избегать двух крайностей: с одной стороны, слишком «духовного» понимания Церкви, которое устраняет ее общественную и устроительную реальность; с другой – подчеркнутого институционализма, при котором духовная сторона Церкви уходит в тень. На деле оба эти аспекта могут быть соединены, как это и случилось в протестантской эклезиологии, которая допускает некоторую двойственность: по одну сторону – духовная Церковь избранных, по другую – общины устроительные. Церковь Единая. Господь наш Иисус Христос основал только одну Церковь, которой Он обещал Свою помощь, и которая есть полноправная хранительница евангельского благовестия. Это утверждение в древности было не требующей доказательств истиной, которая и в наши дни для христиан, верных Преданию, таковой и остается. Не может быть нескольких Церквей, как не может быть нескольких истин. Правда, в соответствии с обычаем еще апостольских времен иногда говорят о «Церквях», имея в виду поместные общины, но это отнюдь не предполагает множественности, так же как совершаемая во множестве мест Евхаристия не

предполагает какого-либо разделения Христа. Иное дело, когда употребляют термин «церковь» для обозначения общин христиан-диссидентов; в этом случае у него нет специального богословского значения, и при этом имеется в виду просто христианская община. Когда мы говорим, что Церковь едина, мы имеем в виду всю полноту этого утверждения. В понятие единства Церкви мы вкладываем двоякий смысл. Существует единство во времени: Церковь нынешнего дня по сути своей та же, что Апостольская и святоотеческая Церковь первых веков. Существует единство в пространстве: Поместные Церкви, исповедующие в чистоте православную веру и в верности хранящие апостольскую преемственность, находятся между собой в общении, у них Один Основатель и Глава – Христос. Церковь Свята. Церковь свята потому, что, основанная Христом, она служит одному только Богу. Она, как невеста, «не имеющая пятна, или порока, или чего-либо подобного... свята и непорочна» (Еф. 5, 27). У Кли-мента Александрийского мы читаем полные глубины строки: «Если мы называем святым или Самого Бога, или воздвигнутое в Его прославление здание, как же не называть преимущественно священной Церковь, ставшую святой в познании Славы Божией? Не есть ли она совершенно достойное Бога святилище, подготовленное не трудами делателей и не руками художников, но воз-двигнутое во храм по воле Божией?» (Строматы VII, V – 23). Святая по призванию Церковь есть носительница благодати, которую Дух непрестанно на нее изливает со дня Пятидесятницы. Благодать эта сообщается каждому из ее членов, сначала через крещение, затем через другие таинства. Жизнь в Церкви – это жизнь во Христе и ничего больше, и поэтому жизнь эта – всегда аскеза, которая исключает всякую пассивность. Церковь Соборна (кафолична). Если в греческом светском языке термин «соборный» (кафолический) означает только лишь «всеобщий», то в языке Церкви он приобретает особый оттенок: соборность (кафоличность) – это свойство, которым обладала Церковь еще тогда, когда состояла из горсточки палестинских учеников, и чем в равной мере обладает и в наши дни, когда она распространилась по пяти континентам. Благовестие спасения, принесенное Иисусом Христом, – это благовестие для всего человечества (Мф. 28, 19-20); во Христе упразднены все расовые и культурные различия, как пишет святой апостол Павел: «Здесь нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его» (Рим. 10, 12). Эта всеобщность Церкви есть некая полнота, в которой, по христианскому православному учению, каждая личность может «процвести», потому что противопоставленность части и целого преодолена в Церкви, чья жизнь есть отражение жизни Бога Троицеобразного. Соборность есть также отказ от сектантского партикуляризма, и именно этот аспект прежде всего подчеркнут в древних святоотеческих текстах, где мы и находим термин «соборный» (кафолический). Так, в надписи на Послании «Мученичество святого Поликарпа» (II в.) мы читаем формулу: «Церковь Божия, пребывающая в Смирне, Церкви Божией, пребывающей в Филомеллоне и всем общинам мира, принадлежащим Святой Соборной Церкви...» В середине II века на вопрос судьи мученик Пионий ответил, что он христианин; но так как этот ответ был признан недостаточным, его спросили, к какой он принадлежит Церкви, он ответил: «к Церкви Соборной» (кафолической). Термин «соборный» здесь обозначает истинную Церковь, основанную Христом. Именно значение неизменно находим мы в документах Соборов и, в частности, в догматическом постановлении отцов Первого Вселенского Собора (325). Церковь Апостольская. Она Апостольская потому, что основана была апостолами и потому, что она верно хранит переданное апостолами благовестие Спасителя. В этом смысле «апостоличность» – синоним «подлинности», и поэтому «апостоличность», в полном смысле этого слова, может относиться только к «Unam Sanctam» (Единой Святой), то есть к Церкви Православной. Не-прерывность апостольского преемства – условие необходимое, но отнюдь не достаточное. Законными преемниками апостолов являются епископы, которые верно хранят апостольское учение; им принадлежит право возвещать слово истины и толковать Предание; им – каждому в отдельности и всем сообща – принадлежит учительная власть (Potestas docendi). Епископы (преемники апостолов) и их представители (священники) прино-сят от имени Церкви бескровную жертву, потому что к ним относятся слова Спасителя: «Сие творите в Мое воспоминание». Они обладают властью вязать и решить, и на них лежит обязанность пасти порученное им Богом духовное стадо. Православная Церковь никогда не сомневалась в том, что епископство принадлежит не к *Бене esse* (благоденствию) или *plene esse* (численности) Церк-ви, но к самой ее природе. Поэтому святой Игнатий даже пишет, что надо «на епископа смотреть как на самого Спасителя» (Послание св. Игнатия к Ефесянам 5, 1). Это, однако, не означает, будто епископ самовластен; напротив, он должен быть связан с Преданием Церкви и быть в очевидном общении со всем епископством православным, которому принадлежит полнота власти, в соответствии с вселенским устройством Церкви, унаследованным от общины апостолов. С другой стороны, если в силу учительной харизмы, вытекающей из апостольской преемственности, законные епископы обладают исключительным правом официально толковать преподаваемое Церковью вероисповедание (а поэтому и исключительной властью отлучать от Церкви еретиков), то всему народу христианскому надлежит защищать веру от всевозможных искажений. Именно в единстве пастырей и всего христианского народа, верных благовестию Спасителя и вере апостольской, проявляет себя соборное единство Святой Церкви.

10-й член. Исповедую одно крещение во оставление грехов. Этот член Символа веры напоминает нам о том, что исповедание веры начинается с крещения. Провозглашать, что оставление грехов возможно лишь в крещении, – значит признавать, что соединение со Христом в Церкви есть единственно верный путь спасения. В древние времена таинство крещения обычно совершалось над взрослыми, которых до этого посвящали в христианское учение. Испрашивая крещение, неопиты сознавали, что это означает разрыв с прежней жизнью. Теперь, исключая те страны, где Церковь находится на миссионерском положении, крещение совершается иначе: к таинству допускаются дети младенческого возраста, чтобы они могли соучаствовать в жизни христианской, по словам Спасителя: «Пустите детей приходить ко Мне» (Лк. 18, 16). В обоих случаях чтение этого члена Символа веры есть возобновление обетов, данных во время крещения либо непосредственно, либо посредством крестного отца или крестной матери. За литургией Символ веры поется или читается перед началом анафоры; именно в этот момент он своевременно напоминает собранию верующих об обетах крещения и звучит как отголосок предостерегающих слов апостола Павла: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1 Кор. 11, 28). Член Символа веры, относящийся к крещению, следует сразу же за членом, говорящим о Церкви, и этот порядок логичен, ибо нет другого способа войти в основанную Христом церковную общину, как только через принятие крещения. Итак, это таинство есть начало всей христианской жизни, в нем человек рождается духовно и, как мы уже упоминали, с самого начала предполагает разрыв со всем, что не принадлежит Царству Божию. Здесь компромисса быть не может: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить – или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13). Апостол Павел пишет римлянам: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает; смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха, а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 3-4; 8-11). В обряде крещения отчетливо выделяются два момента: момент разрыва – «Отрицаешься ли сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его?», и момент связи – «Сочетаваеши ли ся Христу?». В христианской древности каждая часть обряда крещения изобиловала символами. Но некоторые аспекты этой символики выходят далеко за рамки простой аллегии. Церковь тщательно их хранит, хотя сейчас они не для всех вполне понятны. Отцы же в своих крестинных поучениях настаивали на совлечении ветхого человека, так же, как и на облачении в белую ризу, говорящую о чистоте, обретенной через принятие таинства. Известно, что в Православной Церкви, за исключением некоторых случаев, крещение всегда совершается через погружение. В этом раскрывается все значение этого таинства. Мы читаем в «Постановлениях Апостольских» следующую молитву на освящение воды в купели: «Освяти воду сию, дабы крещаемые распинались со Христом, умерли с Ним, погребались с Ним, и воскресли с Ним в усыновление». Раскрывая значение троекратного погружения – «образа пасхального триденния» – святой Кирилл Иерусалимский (IV в.) пишет следующие дивные строки: «Как удивительно и странно! Мы действительно не умерли, и действительно не погребены, и действительно после того, как были распяты, не воскресли. Но подражание совершается по образу, спасение же – действительно. Христос был действительно распят, и действительно положен во гроб, и действительно воскрес, и все это было соделано по любви к нам, чтобы, подражанием участвуя в Его страданиях, мы обрели бы действительное спасение». Теперь понятно, что не только по привязанности к прошлому Православная Церковь остается верной древнему способу преподавать таинство крещения. Она делает это в силу священной значительности обряда. Несомненно, отказ от крещения через погружение влечет за собой исчезновение символичности, присущей этому таинству. В Православной Церкви за таинством крещения всегда следует таинство миропомазания – то, что на Западе называется конфирмацией. Действительно, если крещение знаменует рождение к духовной жизни, то миропомазание подтверждает харизматическое включение в христианское собрание благодатью Духа Святого. Обычно христианское посвящение завершается участием в таинстве Причащения. Для неопита (новообращенного) – это полное соединение с Господом и обещание новому христианину, что он станет участником грядущего пира Царствия. Тогда и завершается процесс «привитого» крещением и миропомазанием преобразования. Таким образом, христианское посвящение соединяет три таинства – крещение, миропомазание, Евхаристию, и, как мы уже видели, связь эта отнюдь не случайна. Это не практическое соединение трех служб, но полный глубокого мистического смысла процесс. В Символе веры мы исповедуем «едино крещение» (unum baptisma). Это торжественное утверждение единичности крещения. Апостол Павел ясно говорит об этом Ефесянам: «Один

Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех. Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Еф. 4, 5-6). Так же, как мы исповедуем, что Господь наш основал только одну Церковь, исповедуем мы и то, что есть только одно крещение, ибо Едина и нераздельна Пресвятая Троица, во имя Которой нас крестят, как повелел Спаситель (Мф. 28, 19). Поэтому Церковь не возобновляет крещения и принимает в свое лоно, не перекрещивая, еретиков, которые были крещены во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, в соответствии с VII каноном II Вселенского Собора (381 г.). «Действительность» крещения в данном случае обуславливается правильным совершением таинства с точки зрения содержания и формы, с одной стороны, и принадлежностью того, кто совершал обряд крещения, к какой-либо христианской общине, исповедающей первичный догмат о Пресвятой Троице, с другой стороны. Крещение не повторяется, если иной христианин отрекается от веры, а впоследствии просит Церковь снова принять его в свое лоно. Ибо печать Бога на каждом крещенном неизгладима: проступок сына не разрывает его свя-зи с отцом, так же, как великое множество грехов и вся тяжесть их не упраздняют возможностей, дарованных крещением. Всегда открыт путь покаяния, о чем и напоминает нам Господь в притче о блудном сыне. Крещение – неповторимый момент в жизни человека, поскольку таинством крещаемый оправдывается перед Богом, и не по собственным своим заслугам, а благодаря примирению и спасению, принесенным Спасителем. Проклятие, тяготевшее над человечеством после первородного греха, было снято жертвой Воплотившегося Слова. Быть крещенным – значит стать частью обновленного человечества. Глава которого Новый Адам – Христос. Но то, что обретаем мы во Христе, – это свобода в полном смысле этого слова, то есть возможность выбора. В момент христианского посвящения Божественная благодать сходит на нас, но наше дело – умножить врученные нам таланты. Если мы этого делать не будем, то на нас обрушится гнев Божий, как поучает евангельская притча. Но тому, кто исполняет Божественные заповеди, обещаны неизреченные тайны Божественного сопричастия (2 Пет. 1, 4) – это конечная цель всех «во Христа крестившихся».

Члены 11-й и 12-й. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь. Мы уже говорили о том, сколь важное место занимает в христианском учении эсхатология, обращенность к «концу» мира. Забыть об этом – значит пойти на заведомое искажение евангельского благовестия, значит свести Откровение к какой-то конформистской этике. Тогда как для эллинской философии, по причине присущего ей циклического понятия времени, воскресение мертвых было бессмыслицей, христианское учение, познавшее по Библии линейность времени, видит в воскресении мертвых оправдание истории. Если мы внимательно рассмотрим платоновскую идею бессмертия души, то увидим, что она весьма далека от христианского догмата о жизни человека в будущем веке. Символ веры пользуется чрезвычайно характерным выражением: «ожидаю воскресения мертвых». По-гречески это передается глаголом, имеющим двойной смысл. С одной стороны, он выражает субъективное ожидание верующих, отголосок которого мы находим в конце Апокалипсиса («Ей, гряди. Господи Иисусе!» – 22. 20); с другой стороны, – объективный для мира факт: воскресение мертвых неизбежно свершится. Воскресение из мертвых – не просто благочестивое упование, это абсолютная достоверность, обуславливающая веру христиан. Однако если вера эта казалась странной язычникам, (Деян. 17, 32), то она была естественной для большинства евреев (Ин. 11, 24). Обоснована она Ветхим Заветом (см., например, у Иезекииля 37. 1-14). Новым в христианской вере было то, что благостное воскресение из мертвых связано с искупительным делом Иисуса Христа. «Я есмь воскресение и жизнь, – говорит Господь Марфе, – верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (Ин. 11, 25-26). Поэтому апостол Павел и пишет фессалоникийцам: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» (1 Фес. 4, 13). Поистине, христианское учение – религия надежды, поэтому в твердости мучеников нет ничего общего со спокойствием античных мудрецов перед неизбежным концом. И как трогательно в своей умиротворенной уверенности молитва на костре святого мученика Поликарпа: «Господи Боже, Всемогущий, Отец Иисуса Христа, Твоего возлюбленного и благословенного Чада, Которым мы Тебя познали; Бог ангелов и сил. Боже всей твари и всей семьи праведников, живущих в Твоем присутствии: благословляю Тебя, что Ты удостоил меня сего дня и часа сего быть причисленным к Твоим мученикам, и пить из чаши Христа Твоего, дабы воскреснуть в вечную жизнь души и тела, в нетленности Духа Святого». Никео-Цареградский Символ веры говорит о «воскресении мертвых», древнее римское Credo, для того, чтобы подчеркнуть буквальный смысл этого события, говорит о «воскресении плоти». Тем не менее, термин «плоть» должно здесь понимать в значении «личность», потому что мы знаем, что «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор. 15, 50). Воскресение к вечной жизни предполагает изменение, переход от тленного к нетленному (там же, стихи 51-54). Апостол Павел после ряда рассуждений о том, как совершится воскресение, ясно утверждает: «сеется тело душевное, восстает тело духовное» (там же, стих 44). Несомненно, тело воскресшее и тело погребенное – один и тот же субъект, но модус их существования различен. Чтобы это понять, не следует упускать из виду того, что значит для

апостола Павла категория духовного, которая связана с категорией Божественного. Тело духовное – это тело, преображенное благодатью: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15, 22), Христос воскресший – «первенец из умерших» (там же. 20). Вся жизнь христианина должна быть преисполнена этой уверенности, поэтому верующие должны вести себя в мире сем как «чада света» (Еф. 5, 8). Участие в Святой Евхаристии – залог вечной жизни, о чем часто напоми-нает нам литургия. Действительно, именно в таинстве Евхаристии эсхатологический момент, может быть, больше всего и подчеркнут. Тайная Вечеря – это пред-восхищение пира в чертоге Царствия, на который все мы званы. Сошествие Святого Духа на Святые Дары в момент эпиклезы переносит Пятидесятницу в настоящее ; и прообразует победу Второго Пришествия. Связь с Пятидесятницей, с одной стороны, со Вторым Пришествием и Всеобщим Воскресением, с другой, особенно подчеркнута восточной литургией. Суббота перед Пятидесятницей, прежде всего, по-священа усопшим, и колено-преклоненная молитва на вечерне воскресного дня праздника Пятидесятницы содержит предчувствие Общего Воскресения: «Твою благодать во всех исповедуем во входех наших, в мир сей, и исходех, надежды нам воскресения и жизни нетленныя. Твоим неложным обещанием предобручают, яже примем в будущем Втором Пришествии Твоем». Во Всеобщем Воскресении, завершающим историю мира сего, христиане видят прежде всего явленную победу Христа, истинным предвестником которой было Воскресение Господне на заре третьего дня. Но «День Господень» будет также и днем судным. Мы знаем, что «и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5, 29). Это будет окончательным отделением добрых семян от плевел. Никому другому, как только Самому Господу, надлежит совершить это отделение, и свершится оно только на последнем суде. Тогда не будет больше смешения добра и зла, ибо ничто нечистое не войдет в Царство, и не будет больше возможно какое-либо изменение в человеческих судьбах. По ту сторону времени пребудет только то, что не подлежит изменению. Осуждение – это удаление от Бога навечно. По Промыслу Божию, призвание человека – это преображение, обожение, соединение с Богом. В «будущем веке» все, что будет удалено от Бога будет считаться преданным смерти. Это и будет второй смертью, – той, о которой в книге Откровения говорит святой Иоанн Богослов (20, 14). Смерть эта означает забвение Божие. Те, которые не захотели узнать Бога, те не будут больше узнаны Им. Те же, кто Его знал и Ему служил, просияют неизреченной и немеркнувшей славой. Символ веры начинается с торжественного утверждения веры в Бога. Это утверждение – не только акт интеллектуальный, оно предполагает всецелое вовлечение души и ответную отдачу. Во Христе, посредством Духа Святого жизнь верующего преображается, потому что христианин, хотя и живет в «мире сем», – не «от мира сего». Его взгляд обращен к Царству света, поэтому Символ веры и заканчивается радостным исповеданием чаяния воскресения и жизни будущего века, в котором уже не будет «ни болезни, ни печали, ни вздыхания».